

Напряженный, весьма атмосферный триллер
на необычную тему.
«New York Times»

ЛИНВУД БАРКЛИ

ПОСЛЕДНИЙ
ВЫСТРЕЛ

Промис-Фоллс

Линвуд Баркли
Последний выстрел

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Баркли Л.

Последний выстрел / Л. Баркли — «Издательство АСТ»,
2017 — (Промис-Фоллс)

ISBN 978-5-17-106184-5

Кто похитил местного жителя Брайана Гаффни и сделал ему на спине странную татуировку, содержащую признание в убийстве, которого парень не совершал? Кто изуродовал и искалечил насильника, которому удалось в суде избежать наказания? И наконец, кто преследует молодого человека, которого влиятельная родня и ловкий адвокат сумели «отмазать» от автокатастрофы, жертвой которой стала его приятельница? Полицейский Барри Дакуорт и частный детектив Кэл Уивер понимают: в городке действует опасный фанатик, руководствующийся лишь своими представлениями о добре и зле...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-106184-5

© Баркли Л., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	59
Глава 12	64
Глава 13	69
Глава 14	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Линвуд Баркли

Последний выстрел

Linwood Barclay
Parting Shot

© NJSB Entertainment Inc., 2017

© Перевод. А. А. Загорский, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Глава 1

Кэл Уивер

На днях в Промис-Фоллз я столкнулся на улице с одной женщиной, которая знала меня в те времена, когда я работал в этом городке полицейским – еще до того, как я уехал в Гриффон, что неподалеку от Буффало, и стал частным детективом.

– О, я не знала, что вы переехали обратно, – начала она. – Как Донна? И ваш мальчик? Скотт – кажется, так его зовут?

Я не знаю, как нужно отвечать на подобные вопросы. На этот раз я сказал:

– Вообще-то я теперь живу один.

Женщина сочувственно посмотрела на меня и понимающе кивнула.

– Такие вещи случаются, – изрекла она. – Надеюсь, все прошло по-хорошему, и вы все по крайней мере разговариваете друг с другом.

Я изобразил на лице самую широкую улыбку, какую только смог из себя выдавить:

– Да, мы разговариваем каждый вечер.

– Ну, значит, все не так плохо, верно? – улыбнулась женщина мне в ответ.

Глава 2

Детектив Барри Дакуорт из полиции Промис-Фоллз сидел за столом, когда зазвонил телефон. Он резким движением снял трубку.

– Дакуорт.

– Это Бэйлисс, – послышался в трубке знакомый голос. Сержант Трент Бэйлисс дежурил в приемной отделения полиции и занимался тем, что принимал посетителей.

– Слушаю.

– У меня тут забавный случай. – В голосе Бэйлисса слышался сдерживаемый смех.

– Что ты имеешь в виду?

– Наши взяли одного парня, который без дела шатался по городу. Когда его привезли сюда, он заявил, что ему нужно поговорить с детективом. В общем, я посылаю его к тебе. Он говорит, что его зовут Гаффни. Брайан Гаффни. Но никаких документов, удостоверяющих личность, при нем нет.

– Ну и в чем суть дела? – поинтересовался Дакуорт.

– Лучше пусть он сам тебе расскажет. Не хочу портить тебе удовольствие, – сказал Бэйлисс и повесил трубку.

Барри Дакуорт также повесил трубку на аппарат, но на этот раз его движение выглядело медленным и усталым. Может, Бэйлиссу и было смешно – но только не Барри. В последнее время он стал относиться к работе иначе – не так, как раньше. Чуть более года тому назад он едва не погиб, выполняя служебные обязанности, и это изменило его взгляды не только на работу, но и на все вокруг.

Барри нравилось говорить себе, что он перестал воспринимать многие вещи как нечто само собой разумеющееся. Он знал, что это звучит как клише, но действительно стал относиться к каждому дню как к подарку судьбы. Каждое утро он вспоминал те моменты, когда чуть не умер. После этого ему потребовалось немало времени, чтобы прийти в норму. Он довольно долго пролежал в больнице, и ему даже потребовалась небольшая пластическая операция на лице.

Пожалуй, самым удивительным было то, что за последний год он умудрился заметно похудеть. Четырнадцать месяцев назад он весил двести восемьдесят фунтов, а теперь – всего двести тридцать три. Таким образом, Барри удалось сбросить сорок семь фунтов. Какое-то время он обходился тем, что прокалывал все новые дырочки в поясном ремне, но в конце концов Морин, его жена, заявила, что он стал выглядеть смешным. В итоге она отвела его в магазин мужской одежды, как пятилетнего мальчика, и купила ему несколько новых вещей.

Барри, однако, оставил старые вещи в своем шкафу – так, на всякий случай. Он понимал: рано или поздно может настать время, когда искушение пончиками снова станет слишком сильным, чтобы он мог ему сопротивляться.

Пончиков он уже давно не брал в рот. При этом Барри вовсе не собирался лгать себе – он прекрасно осознавал, что скучает по ним и их ему не хватает. Но ему нравилось ощущение того, что он стал вести более здоровый образ жизни. И еще то, что он жив.

Морин очень поддерживала его. Она всегда всячески старалась стимулировать его стремление изменить свои пищевые привычки. Правда, после того, что с ним произошло, она была так рада, что ее муж остался в живых, что стала буквально закармливать его домашними пирожными и прочими лакомствами – никто не умел так печь лимонный пирог, как Морин. В конце концов Барри сам попросил ее перестать это делать. Он сказал жене, что принял решение заняться своим здоровьем и следить за собой. И она стала ему в этом помогать.

Именно этим объяснялся тот факт, что на его рабочем столе лежал банан. Он успел стать темно-коричневым, поскольку лежал там со вчерашнего дня.

Притом что Барри Дакуорт более-менее ясно представлял, что ему следует делать для укрепления своего здоровья, в том, что касалось его карьеры, у него такой уверенности не было. Однако факт оставался фактом – именно будучи полицейским детективом, он едва не погиб.

Какое-то время он размышлял над тем, чтобы сменить работу, но так и не смог придумать, чем еще мог бы заняться.

Барри проработал в полиции больше двадцати лет. Понятно, что после этого он не мог просто взять и стать школьным учителем или дантистом. Барри вообще не понимал, как человек может хотеть стать дантистом. Ему казалось, что проще сотню раз побывать на месте убийства, чем совать пальцы в чей-то рот. Правда, можно было попытаться овладеть профессией бухгалтера. По крайней мере, эта работа казалась более-менее безопасной – бухгалтерам обычно не превращали лицо в кровавую кашу.

Пока Дакуорт пытался как-то наладить собственную жизнь, город также делал все возможное, чтобы вернуться к нормальному существованию. Дело в том, что год назад сотни лучших жителей Промис-Фоллз – впрочем, не только лучших – погибли в страшной катастрофе. Люди все еще обсуждали случившееся, хотя теперь, по прошествии некоторого времени, можно было прожить целый день или даже два и не услышать, как кто-то затрагивает эту болезненную тему.

Настоящей проблемой, однако, являлись приезжие. То, что случилось в Промис-Фоллз, можно было сравнить с падением башен-близнецов Нью-Йоркского международного торгового центра – хотя, конечно, масштаб того события несколько отличался. В Нью-Йорке толпы туристов фотографировались на том самом месте, где прежде стояли обрушившиеся небоскребы. Примерно то же происходило и в Промис-Фоллз, небольшом городке в северной части штата Нью-Йорк. Каждый день можно было видеть, как какой-нибудь приезжий делал селфи на фоне щита с надписью: «Добро пожаловать в Промис-Фоллз».

Дакуорт откинулся на спинку кресла и уставился на дверь кабинета. Она открылась, и на пороге появился молодой человек с изумленным выражением лица.

Весил он, наверно, всего фунтов сто двадцать. Белый, тощий, ростом примерно пять футов и девять дюймов. Густые темные волосы, на лице трехдневная щетина. Одет молодой человек был в джинсы и темно-синюю рубашку с длинным рукавом и наглухо застегнутым воротником. Глаза его испуганно блуждали по сторонам.

Дакуорт встал.

– Мистер Гаффни?

Молодой человек посмотрел на детектива и несколько раз моргнул.

– Да, верно.

Дакуорт жестом пригласил юношу войти и указал на стул, стоящий рядом с его столом:

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Брайан Гаффни, сцепив ладони перед собой, слегка наклонился вперед, словно собиравшись отвесить поклон, и принял сидячее положение. Он продолжал вертеть головой, оглядывая комнату и время от времени посматривая на потолок, словно человек, который оказался в пещере и опасается летучих мышей, висящих вниз головой под каменными сводами.

– Мистер Гаффни, – окликнул его Дакуорт.

Глаза посетителя испуганно впелись в полицейского.

– Да?

– Я детектив. – Дакуорт взял в руку ручку и приготовился записывать. – Вы могли бы сказать по буквам, как пишется ваше имя?

Посетитель сказал.

– А ваше второе имя?

– Артур, – последовал ответ. – Скажите, мы здесь в безопасности?

– Простите, не понял?

Гаффни, озираясь по сторонам, крутил головой резкими движениями, словно птица, пытающаяся определить, не грозит ли ей внезапное нападение какого-нибудь хищника. Затем, понизив голос до шепота, он наклонился вперед и прошелестел:

– Они все еще могут за мной наблюдать.

Дакуорт мягким движением положил руку на предплечье собеседника. Гаффни уставился на широкую ладонь детектива с таким видом, словно никогда ничего подобного не видел.

– Здесь вас никто не тронет, – заверил его Дакуорт и подумал о том, что только Бэйлиссу человек в таком состоянии мог показаться смешным. Чего бы ни боялся Гаффни и являлась ли опасность реальной или воображаемой, страх в его глазах был самым настоящим.

Гаффни поежился.

– Вам следует включить обогрев, – сказал он.

Воздух в комнате явно нагрелся выше двадцати пяти градусов, поэтому по идее уже должен был автоматически включиться кондиционер, чтобы снизить температуру, но этого почему-то не произошло. Тем удивительнее то, что Гаффни озяб.

Дакуорт встал, снял пиджак и накинул его на плечи посетителя.

– Так лучше? – спросил он.

Гаффни кивнул.

– Хотите кофе? – предложил детектив. – Это поможет вам по-настоящему согреться.

– Хочу, – тихо произнес Гаффни.

– Какой вы обычно пьете?

– Я... Это не важно, главное, чтобы он был горячий.

Дакуорт пересек комнату, подошел к столу, на котором стояла автоматическая кофеварка, выбрал относительно чистую чашку, налил в нее кофе, положил туда кусочек сахара и добавил порошковых сливок. Затем, вернувшись, протянул напиток сидевшему рядом с его столом молодому человеку.

Гаффни обхватил чашку обеими ладонями, поднес к губам и отхлебнул глоток. Дакуорт тем временем уселся обратно в кресло, взял ручку и приготовился писать.

– Назовите мне дату вашего рождения, мистер Гаффни.

– Шестнадцатое апреля 1995 года. – Посетитель внимательно наблюдал за тем, как детектив записывает его ответы. – Я родился в Нью-Хейвене.

– Ваш нынешний адрес?

– Они могут быть здесь, – произнес вдруг Гаффни, снова понижая голос. – Они умеют принимать человеческое обличье.

Дакуорт перестал писать.

– Кто «они», мистер Гаффни?

– Я живу на Хантер-стрит, дом 87, квартира 201, – моргнув, сказал посетитель.

– Вы арендуете апартаменты?

– Да.

– Вы живете один, мистер Гаффни?

– Да, – посетитель кивнул. Дакуорт заметил, что его взгляд устремлен на лежащий на столе банан.

– Чем вы занимаетесь?

– Уходом за машинами. Вы собираетесь это есть?

Дакуорт посмотрел на потемневший банан.

– Возьмите, если хотите.

– Кажется, они меня не кормили. Я уже очень давно ничего не ел.

Дакуорт взял со стола банан и протянул его Гаффни. Тот осторожно принял его обеими руками, после чего сунул конец плода в рот и жадно откусил кусок вместе с кожурой. Затем

принялся быстро жевать, время от времени отправляя в рот очередную порцию – по-прежнему не забывая о том, чтобы очистить фрукт.

– Вы знаете, что такое уход за автомобилями? – спросил Гаффни, продолжая двигать челюстями.

– Нет.

– Это когда человек вместо того, чтобы просто помыть машину, заказывает полный комплексный уход за ней. Как суперуборка квартир. Я работаю в «Олбани – уход за авто».

– Значит, это в Олбани?

Гаффни отрицательно покачал головой:

– Нет, здесь, в Промис-Фоллз. Это целая сеть предприятий, работающих по франшизе.

– Мистер Гаффни, сотрудники полиции обнаружили вас, бесцельно бродящим по центральной части города. Когда вас привезли в отделение, вы сказали, что хотите поговорить с детективом.

– Верно.

– Чем я могу вам помочь?

– Я сделал ошибку, – заявил Гаффни.

– Что вы имеете в виду?

Гаффни в десятый, наверное, раз оглядел комнату, а затем, наклонившись, шепнул Дакуорту:

– Это не ваша юрисдикция.

– Простите, я вас не совсем понимаю.

– Я хочу сказать – что вы можете сделать? – Гаффни недоверчиво пожал плечами. – Арестовать их?

– Кого арестовать?

– Какой сегодня день?

– Среда.

Гаффни задумался.

– Выходит... две ночи. Я вышел из дома вечером в понедельник, а сейчас среда. Значит, они продержали меня у себя две ночи. Если только я попал к ним не в *прошлый* понедельник. Тогда, значит, я провел у них девять суток.

Дакуорт снова отложил ручку.

– О каких двух ночах вы говорите?

– О тех двух ночах, в течение которых они держали меня у себя. – Гаффни поставил чашку с кофе на стол и провел рукой по подбородку, пощупав щетину. – Нет, все-таки это длилось всего две ночи. Если бы я пробыл у них девять суток, у меня бы уже отросла борода.

Дакуорт приподнял одну бровь.

– Что вы имеете в виду, когда говорите, что кто-то держал вас у себя? И кого вы подразумеваете, когда говорите «они»?

– Я полагаю, что я был похищен, – ответил Гаффни и нервно облизнул губы кончиком языка. – Вы слышали про Бетти и Барни Хилл?

Дакуорт быстро записал названные имена.

– Вы хотите сказать, что это они вас похитили?

Гаффни отрицательно качнул головой:

– Нет, про них рассказывается в одной книжке. Это реально существующие люди. У меня есть экземпляр этой книжки – дешевый, в мягкой обложке. Она называется «*Прерванное путешествие*», а написал ее Джон Дж. Фуллер. С этими людьми случилось то же, что и со мной.

– И что же с ними – и с вами – случилось, Брайан?

– Двадцатого сентября 1961 года они ехали из Ниагара-Фоллз домой, в Нью-Гемпшир. Между прочим, все произошло неподалеку отсюда. Они проехали в сорока милях от Промис-Фоллз.

– Так, и что дальше?

– Он был чернокожий, а она белая, но это не имеет никакого отношения к тому, что с ними стряслось. Хотя кто его знает.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Так вот, сначала они увидели в небе яркий свет. А потом у них произошло что-то вроде провала в памяти. Они пришли в себя через много часов на дороге, совсем рядом с домом. Что с ними было между тем моментом, когда в небе вспыхнул свет, и тем моментом, когда они оказались в Нью-Гемпшире, они не помнили – ровным счетом ничего. В общем, они пошли к гипнотизеру.

– А почему они решили, что им нужен именно гипнотизер?

– Потому что гипнотизер мог помочь им восстановить ход событий в те часы, которые были словно вычеркнуты из их памяти.

– Ну и как, он помог?

Гаффни кивнул:

– Оказывается, они побывали на борту космического корабля. Инопланетяне ставили на них эксперименты, втыкали в них иголки и разные штуки. И в конце концов сделали так, что они про все это забыли. – Гаффни медленно покачал головой. – Никогда не думал, что такое может случиться и со мной.

– Ну, допустим. – Дакуорт поерзал в своем кресле. – Значит, вы утверждаете, что провели двое суток неизвестно где и не помните ничего из того, что с вами происходило в это время. Так?

– Да.

Гаффни резко вздрогнул, словно получил удар электротоком, и, взяв со стола чашку, сделал еще глоток кофе.

– Что было последним, что вы запомнили?

– Я зашел в одно заведение, чтобы немного промочить горло. Где-то в районе восьми вечера. Заведение называется «У Рыцаря». Знаете такое?

Ага, подумал Дакуорт. Значит, «У Рыцаря». Это был один из самых известных местных баров.

– Да, я знаю это место, – сказал детектив.

– В общем, я выпил несколько кружек пива, посмотрел телевизор. После этого все как-то немного в тумане.

– Сколько именно кружек вы выпили?

Гаффни пожал плечами:

– Четыре, может, пять – точно не скажу. Все это заняло примерно полтора часа.

– Вы уверены, что больше ничего не пили – только четыре или пять кружек пива?

– Больше ничего, это точно.

– Вы отправились в бар на своей машине?

Гаффни решительно замотал головой:

– Неа. От моего дома до бара «У Рыцаря» можно дойти пешком – чтобы потом не просить никого тебя подвезти. У вас есть еще банан?

– К сожалению, нет. Извините. Еще пара вопросов, и я раздобуду вам что-нибудь перекусить. Вы помните, как вы уходили из бара?

– Вроде бы да. Когда я вышел на улицу, меня, кажется, кто-то окликнул из переулка неподалеку. По этому переулку можно пройти на автостоянку у задней стороны здания.

– Кто именно вас окликнул? Это был мужчина или женщина?

– Кажется, женщина. По крайней мере, выглядело это существо как женщина. Дакуорт не стал заострять внимание на последней фразе посетителя.

– И что же она вам сказала?

Гаффни покачал головой:

– Дальше я ничего не помню. Два дня практически куда-то пропали. А потом я вдруг пришел в себя в том же самом месте. В общем, я вышел из переулка и стал бродить по городу. Тут-то копы меня и сцапали. У меня при себе не имелось никаких документов, по которым можно было бы установить мою личность. Мой бумажник пропал, и мой сотовый телефон тоже.

– Скажите, возможно ли, что вы все два дня, о которых идет речь, провели именно там, в переулке?

Гаффни снова покачал головой, хотя на этот раз и не столь энергично:

– Там постоянно ходят люди. Меня наверняка бы сразу заметили. Эти существа не могли бы ставить на мне свои эксперименты в том переулке. – Дыхание посетителя заметно участилось – его нервное возбуждение явно росло. – А что, если они меня чем-нибудь заразили? Внедрили мне в организм какие-нибудь неизвестные науке болезнетворные бактерии. – Гаффни снова поставил кружку с кофе на стол и прижал ладонь к груди. – Что, если я стал переносчиком заболевания? Если я подверг опасности вас? О боже, боже!

– Давайте не будем делать поспешных выводов. – Дакуорт старался говорить негромко и спокойно. – Мы обследуем вас. С чего вы вообще взяли, что над вами ставили эксперименты?

– Они... увозили меня куда-то. Возможно, это был космический корабль, но я так не думаю. Там было много света. Я лежал на кровати или на чем-то похожем – на животе. Помню, там еще очень неприятно пахло. Именно там они все и делали.

– Что делали?

– Ощущение было такое, будто в меня втыкали тысячи иголок. Наверное, они брали какие-то образцы, понимаете? Может, это были образцы ДНК?

Лицо Гаффни сморщилось. Он взглянул вверх так, словно смотрел не в потолок, а в небеса над головой.

– Почему я?! – громко выкрикнул он. – Почему это должен был оказаться именно я?!

Двое других детективов, сидевших за столами в противоположном углу комнаты, посмотрели на Гаффни. Дакуорт снова положил ладонь на предплечье посетителя.

– Брайан, посмотрите-ка на меня, – предложил он. – Ну же, давайте посмотрите. И успокойтесь.

Гаффни опустил голову и взглянул детективу в глаза.

– Мне очень жаль, если то, что меня доставили сюда, было ошибкой, – сказал он.

– Это вовсе не ошибка. Я постараюсь вам помочь. Давайте-ка вернемся к ощущению, что в вас втыкали множество иголок. Как вы думаете, зачем это было сделано?

– Не знаю. Моя спина. Она здорово болит, – пожаловался Гаффни. – И еще чешется вдобавок. Представляете? Кожу просто как огнем жжет.

После некоторого колебания Дакуорт поинтересовался:

– Вы хотите, чтобы я взглянул на вашу спину?

Гаффни немного подумал, словно не был уверен, что хочет продемонстрировать свое тело детективу, после чего произнес:

– Если вы не против.

Детектив и посетитель встали. Гаффни повернулся к Дакуорту спиной, расстегнул ремень на брюках и пуговицы рубашки, а затем задрал рубашку к шее.

– Ну и что там? – с любопытством спросил он.

Дакуорт внимательно осмотрел спину посетителя, после чего сказал:

– Спасибо, достаточно.

На спине Гаффни черными чернилами, буквами высотой примерно в два дюйма была сделана татуировка в виде надписи:

Я – БОЛЬНОЙ УБЛЮДОК,
КОТОРЫЙ УБИЛ ШЭН

– Скажите, мистер Гаффни, а Шэн – это кто?

– Шэн? – переспросил посетитель.

– Да, Шэн.

Гаффни высоко поднял, а потом снова опустил плечи.

– Я не знаю никого, кого звали бы Шэн. А что?

Глава 3

Кэл

Имя Мэдэлайн Плимптон было мне знакомо.

Она происходила из семьи старожилов Промис-Фоллз. Не могу сказать, что я эксперт по истории города, но мне было известно, что Плимптоны были среди тех, кто основал поселение в XIX веке. Знал я и о том, что они создали первую городскую газету, «Стандард», и что Мэдэлайн Плимптон выпала честь руководить ею – до момента закрытия газеты.

Я понятия не имел, зачем ей понадобилось со мной встречаться. Во всяком случае, по телефону она этого не объяснила. Клиенты обычно предпочитают не обсуждать по телефону деловые вопросы. Впрочем, делать это с глазу на глаз порой тоже не так-то просто.

– Вопрос деликатный, – сказала она.

Так оно обычно и бывало.

Я бы не назвал ее дом дворцом, но для Промис-Фоллз он выглядел весьма внушительно. Это было большое строение в викторианском стиле, возведенное в двадцатые годы XX века. Площадь его, вероятно, составляла четыре или пять тысяч квадратных футов. Стоял дом довольно далеко от улицы, его окружала кольцеобразная подъездная аллея. В прежние времена перед таким домом должна была бы расстилаться тщательно подстриженная и ухоженная лужайка. Если раньше так и было, значит, у кого-то хватило ума и чувства такта, чтобы отказаться от подобного украшения.

Я сидел за рулем моей новой старой «Хонды». Свою совсем старую «Хонду Аккорд» я сдал в магазин, но, даже добавив денег, приобрести смог лишь подержанный автомобиль той же модели. Он был с ручной трансмиссией, так что переключение передач давало мне возможность почувствовать себя моложе и спортивнее, чем я являюсь на самом деле. Моей первой машиной, приобретенной лет тридцать назад, была «Тойота Селика» с четырехступенчатой ручной коробкой. После нее я ездил только на автомобилях с автоматической трансмиссией – до последнего времени.

Я припарковался у двойных дверей главного входа, рядом с куда более роскошными машинами – черным кроссовером «Лексус», белым четырехдверным седаном «Хонда Акура» и «БМВ» седьмой серии. Общая стоимость этих трех автомобилей, должно быть, существенно превосходила мой общий доход за последние два десятка лет.

Нажимая на кнопку звонка, я был почти уверен, что дверь откроет горничная или дворецкий. Однако передо мной предстала сама Мэдэлайн Плимптон и пригласила войти.

На вид я бы дал ей около семидесяти. Это была тоненькая, приятной внешности пожилая женщина с царственной осанкой, одетая в черные брюки и черную шелковую кофточку. На ее щеке я увидел прекрасно гармонирующую с одеждой нитку жемчуга. Ее тщательно причесанные седые волосы были относительно короткими и доходили лишь до основания шеи. Мэдэлайн окинула меня внимательным взглядом сквозь очки в золотой оправе.

– Спасибо, что приехали, мистер Уивер, – сказала она.

– Не стоит благодарности. Вы можете называть меня Кэл.

Приглашения называть хозяйку дома Мэдэлайн, однако, не последовало. Она проводила меня через главный холл в гостиную, где были приготовлены чайные приборы – китайские фарфоровые чашки, серебряные молочник и сахарница.

– Могу я предложить вам чаю? – спросила она.

– Спасибо.

Разлив чай по чашкам, хозяйка села на стул во главе стола. Я устроился на стуле справа от нее.

– О вас хорошо отзываются, – произнесла Мэдэлайн.

– Полагаю, у вас, как у бывшего издателя газеты, надежные источники информации, – с улыбкой отозвался я.

Я заметил, как по лицу моей собеседницы скользнула тень недовольства – вероятно, это было результатом того, что я употребил слово «бывший».

– Вы правы. Я знаю почти всех в этом городе. Мне известно, что раньше вы работали в местной полиции. Я в курсе и того, что вы сделали ошибку, перебравшись несколько лет назад в Гриффон, где стали частным детективом, а затем вернулись сюда. – Мэдэлайн сделала небольшую паузу. – После личной трагедии.

– Да, – подтвердил я.

– Вы здесь уже пару лет.

– Верно. – Я бросил в чашку с чаем кусочек сахара. – Будем считать, что проверку я прошел. В чем состоит проблема?

Мисс Плимптон сделала глубокий вдох, поднесла к губам чашку и подула на чай – он в самом деле был очень горячий.

– Дело касается моего внучатого племянника, – сообщила она.

– Ясно.

– Это сын моей племянницы. У них выдался очень тяжелый год.

Я молча ждал продолжения.

– Моя племянница и ее сын живут в Олбани. В последнее время их жизнь стала невыносимой.

Я был совершенно уверен, что знаю, что именно означает это слово.

– И в чем же дело? – поинтересовался я.

Прежде чем заговорить, Мэдэлайн Плимптон сделала долгую паузу.

– Джереми – так зовут моего внучатого племянника – имел некоторые проблемы с судебными властями, которые, к сожалению, привлекли слишком большое внимание. Это очень осложнило его существование. Некоторые люди, которые, судя по всему, невысокого мнения о нашей системе правосудия, причиняют Джереми и моей племяннице, Глории, много беспокойства. Поздние телефонные звонки, сырые яйца, летящие в дом, и тому подобное. Кто-то даже оставил в почтовом ящике листок, в котором содержится угроза жизни. Надпись сделана карандашом на листке бумаги, испачканном экскрементами. Можете себе представить?

– Что вы имеете под «некоторыми проблемами с судебными властями», мисс Плимптон?

– Речь о дорожно-транспортном происшествии. Дело раздули сверх всякой меры. Я вовсе не хочу сказать, что это не было трагедией, но эта история стала объектом необъективных спекуляций и преувеличений.

– Мисс Плимптон, может, вы расскажете все с самого начала?

Моя собеседница едва заметно повела головой слева направо, а затем справа налево.

– Я не вижу в этом необходимости. Мне нужны ваши услуги, а для их оказания вам вовсе не обязательно знать все детали. Впрочем, могу сказать вам, что Глория для меня не просто племянница, а скорее родная дочь. Она поселилась у меня, когда была еще подростком, так что наши отношения...

Последовала небольшая пауза. Я ожидал, что моя собеседница скажет «близкие», но ошибся.

– ...сложные, – закончила наконец фразу мисс Плимптон.

– Не вполне понимаю, какие именно услуги вы хотите от меня получить, – признался я.

– Я хочу, чтобы вы защитили Джереми.

– Что значит – защитил? Вы хотите, чтобы я стал его телохранителем?

– Да. Полагаю, что часть вашей работы будет состоять именно в этом. Я хочу, чтобы вы оценили уровень опасности, которая ему угрожает, и взяли на себя функции личного охранника.

– Но я по специальности вовсе не телохранитель. Вероятнее всего, вам нужен какой-нибудь здоровяк.

Мэдэлайн Плимптон вздохнула:

– Что ж, я понимаю, о чем вы. В техническом отношении вы, возможно, правы. Но вы бывший полицейский. Вы имели дело с криминальными элементами. Не думаю, что работа телохранителя так уж сильно отличается от того, чем вы занимаетесь сейчас. И я готова платить вам по круглосуточному тарифу все то время, пока ваши услуги будут необходимы. Одной из причин, по которой я выбрала вас – только не считайте меня, пожалуйста, бестактной и бездушной, – состоит в том, что у вас, насколько я понимаю, нет семьи. Поэтому подобный режим работы будет для вас не таким обременительным, как для кого-нибудь другого.

Не могу сказать, что мне очень понравилась Мэдэлайн Плимптон. Но, в конце концов, если бы я и мои коллеги работали только на клиентов, вызывающих симпатию, мы все умерли бы с голода.

– Сколько лет Джереми? – спросил я.

– Восемнадцать.

– А какая у него фамилия?

Моя собеседница на секунду закусила губу.

– Пилфорд, – произнесла она почти шепотом.

Я удивленно заморгал:

– Джереми Пилфорд? Ваш внучатый племянник – Джереми Пилфорд?

Мэдэлайн Плимптон кивнула:

– Насколько я понимаю, это имя вам знакомо.

Еще бы. Это имя было известно всей стране.

– Большой Ребенок, – сказал я.

На этот раз лицо Мэдэлайн Плимптон исказила болезненная гримаса, словно она случайно плеснула горячий чай на свою тонкую руку с набухшими венами.

– Лучше бы вы этого не говорили. Представители защиты не произнесли эти слова ни разу за весь процесс. Зато их всюю употребляли представители обвинения и пресса, и это звучало оскорбительно. Да, это было унижительно. Не только для Джереми, но и для Глории. Это очень плохо на нее подействовало.

– Но ведь то, что представители защиты Джереми не произносили эти слова, просто-напросто хорошо укладывалось в их стратегию. Суть ее адвокат Джереми изложил вполне ясно. Она в том, что Джереми был настолько изнеженным и избалованным, настолько не привык что-либо делать самостоятельно, до такой степени не научился брать на себя ответственность за свои действия, что ему даже в голову не пришло, будто он совершил что-то плохое, когда он...

– Мне известно, что он сделал.

– ...когда он во время какой-то гулянки сел в пьяном виде за руль и сбил кого-то насмерть. При всем уважении, мисс Плимптон, я не могу охарактеризовать это как просто дорожно-транспортное происшествие.

– Возможно, вы не тот человек, которого мне следовало бы нанять.

– Очень может быть, – сказал я, поставил чашку на блюдце и, отодвинув стул от стола, встал. – Спасибо за чай.

– Подождите, – Мэдэлайн Плимптон протянула руку в мою сторону.

Этот жест заставил меня немного замешкаться.

– Подождите.

Я замер на месте в ожидании дальнейшего развития событий.

– Пожалуйста.

Уловив в голосе Мэдэлайн Плимpton умоляющие нотки, я снова сел, придвинул стул к столу и поставил локти на столешницу.

– Полагаю, мне не стоит удивляться, что ваша реакция на мою просьбу аналогична реакции других специалистов, к которым я обращалась, – снова заговорила мисс Плимpton. – Джереми не умел ладить с людьми и завоевывать их расположение. Но судья принял решение не отправлять его в тюрьму. Мистеру Финчу удалось убедить судью, что...

– Мистеру Финчу?

– Это адвокат Джереми, о котором вы только что упомянули. Грант Финч. Так вот, мистер Финч предложил свою судебную стратегию. Поначалу никто не верил в то, что судья сочтет ее убедительной. Но, когда это все же случилось, мы все были в восторге. Если бы Джереми посадили в тюрьму, для мальчика это оказалось бы просто ужасно. В конце концов, он в самом деле еще ребенок. Он бы ни за что не выжил в тюрьме. И, несмотря на всю ужасную реакцию общества на приговор, в любом случае это лучше, чем если бы Джереми оказался за решеткой.

– Но теперь ему приходится жить в страхе, – заметил я.

Мэдэлайн Плимpton признала мою правоту едва заметным кивком.

– Да, это правда, но такие вещи рано или поздно проходят. Джереми мог попасть в тюрьму на несколько лет. Волна возмущения по поводу исхода процесса, скорее всего, продлится каких-то несколько месяцев. Со временем найдется другой объект для нападков. Например, какой-нибудь охотник, убивший льва в африканском заповеднике. Женщина, которая неудачно пошутит в своем Твиттере по поводу СПИДа. Полоумный политик, который заявит, что женщины сами должны знать, как исключить беременность в результате изнасилования. Наконец, какой-нибудь другой судья, который вынесет слишком мягкий приговор молодому человеку, изнасиловавшему больную девушку, лежащую без сознания в реанимации. Мы так любим негодовать по самым разным поводам, что нам каждую неделю необходим новый объект для выражения нашего возмущения. О Джереми в конце концов просто забудут, и он сможет вернуться к нормальной жизни. Но до тех пор, пока это произойдет, нужно, чтобы он находился в безопасности.

Я невольно подумал о том, когда к нормальной жизни сможет вернуться семья того, кого задавил Джереми, но в конце концов решил не задавать Мэдэлайн Плимpton этот вопрос.

– Так вот, возвращаясь к предыдущей теме разговора, скажу: да, Джереми имел прозвище Большой Ребенок. Считалось, что с ним обращались так, словно он еще совсем дитя. Стоило представителю обвинения один раз упомянуть об этом, как пресса тут же подхватила. Си-эн-эн даже превратило это прозвище в специальную отбивку – Дело Большого Ребенка, и широко использовало при освещении процесса всевозможную графику.

– Как человек, когда-то руководивший газетой, вы должны иметь представление о том, как делаются такие вещи.

– Верно. Но если я была владельцем СМИ, это вовсе не значит, что я одобряю все, что делается в журналистике.

– Я в самом деле не знаю, чем могу вам помочь, мисс Плимpton, – сказал я. – Впрочем, могу порекомендовать вам несколько агентств. Таких, которые практически не работают над расследованиями – в отличие от меня. Сотрудников этих агентств обычно нанимают как крутых парней, занимающихся личной охраной.

– Я не хочу, чтобы Джереми окружали бандиты.

Я пожал плечами.

– Может, вы хотя бы встретитесь с ними? – спросила Мэдэлайн Плимpton. – С Джереми и моей племянницей. Пожалуйста, поговорите с ними, а уж потом решайте, примете вы мое предложение или нет. Я уверена, если вы с ними побеседуете, то поймете, что они вовсе не

те чудовища, которыми их изображают. Они просто люди, мистер Уивер. Живые люди. И они напуганы.

Я вынул из внутреннего кармана моего спортивного пиджака блокнот и ручку, снял с ручки колпачок и сказал:

– Почему бы вам не дать мне их адрес в Олбани?

– О, в этом нет необходимости, – ответила Мэдэлайн Плимpton. – Они здесь. Уже несколько дней они находятся у меня в доме. Они там, на заднем крыльце, и очень хотят с вами поговорить.

Глава 4

Барри Дакуорт хотел, чтобы Брайана Гаффни осмотрели медики. Поэтому он предложил молодому человеку подвезти его в местную больницу. Помимо прочего, это могло дать детективу возможность задать странному гражданину несколько дополнительных вопросов по поводу того, что с ним случилось. Предположение, что двухдневный провал в памяти мистера Гаффни был вызван злоупотреблением спиртным, Дакуорт отмел в сторону, как только увидел слова, вытатуированные на спине пострадавшего.

«Я БОЛЬНОЙ УБЛЮДОК, КОТОРЫЙ УБИЛ ШЭН». Эта фраза была не похожа на послание, которое нормальный человек или человек, напившийся в стельку, попросил бы набить себе иглой и чернилами на голой спине.

Если Гаффни и знал, что именно вытатуировано у него на лопатках, он никак этого не обнаружил. Поэтому Дакуорт, попросив его еще раз задрать рубашку, сфотографировал надпись, а затем показал снимок посетителю.

– Господи боже, – пробормотал тот с изумлением. – Мне это кажется какой-то... какой-то бессмыслицей.

– Я полагаю, – сказал Дакуорт, – эта татуировка опрокидывает вашу версию по поводу того, что с вами произошло.

Лицо мистера Гаффни стало похоже на лицо четырехлетнего ребенка, пытающегося постичь смысл лекции Стивена Хокинга.

– Пожалуй... это в самом деле не похоже на дело рук инопланетян.

– Да уж, – согласился Дакуорт. – Думаю, нам следует поискать кого-то сугубо земного происхождения.

Гаффни, все еще пораженный тем, что он увидел на снимке, медленно кивнул.

– Мне очень жаль, – сказал он.

– Жаль? Чего именно? – уточнил детектив.

– Должно быть, вы приняли меня за сумасшедшего. Но я не сумасшедший, честное слово.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – заверил Дакуорт.

– То есть я, наверное, немного не от мира сего. Так всегда говорит мой отец. Но я не ненормальный. Вы понимаете, о чем я?

– Разумеется.

– Я просто не мог придумать никакого более разумного объяснения. Может, я в самом деле читал слишком много книг про НЛО. – Гаффни еще раз взглянул на фото. – А вы уверены, что это настоящая татуировка, а не маркер или что-то в этом роде, что легко можно смыть?

– Нет, я не думаю, что это маркер.

– Значит это настоящая, *постоянная* татуировка?

– Я не эксперт в этом вопросе. Не исключено, что с этим можно что-нибудь сделать, – сказал Дакуорт, сильно сомневаясь в собственных словах. – У вас есть идеи по поводу того, кто мог создать вам эту проблему?

Гаффни отвел взгляд от снимка, тем самым дав наконец Дакуорту возможность спрятать телефон в карман пиджака. Глаза молодого человека наполнились слезами.

– Нет, в самом деле, версия с инопланетянами была совсем неплохой. Они вполне могли захватить первого попавшегося парня и проделать на нем серию экспериментов. Но это... это просто какое-то безумие.

– Пойдемте со мной, – мягко предложил Дакуорт. – Пусть вас осмотрят специалисты.

По дороге к машине, не имевшей полицейских опознавательных знаков, детектив поинтересовался:

– Скажите, Брайан, у вас есть семья? Родители? Братья, сестры? Может быть, девушка?

– Мои родители живут на Монткальм-стрит, – медленно и тихо ответил Гаффни. – Я арендовал квартиру и поселился отдельно от них примерно полгода назад. Они решили – вернее, мой отец решил, – что пришло время, когда я должен начать самостоятельную жизнь. Понимаете? В общем, я нашел квартиру в двухэтажном доме в центре города. У меня есть сестра, ее зовут Моника. Ей девятнадцать. Ей тоже хотелось бы жить отдельно, но она пока не может себе этого позволить.

– Как долго вы живете в Промис-Фоллз?

– Лет пятнадцать. С тех самых пор, как мои родители переехали сюда из Коннектикута.

– А девушка у вас есть?

– Ну, вроде того. Она как-то приехала на станцию, чтобы помыть машину, и мы, можно сказать, поладили.

– Как ее зовут?

– Джесс. То есть Джессика Фроммер.

– Когда вы видели ее в последний раз?

Брайан задумался.

– Наверное, с неделю назад. Мы встречались несколько раз – не у меня и в основном не в городе. Кажется, вчера я должен был ей позвонить. – Лицо Гаффни приняло ошеломленное выражение. – Черт, она же будет беспокоиться, начнет думать, что со мной что-то случилось!

– Вы можете вспомнить кого-то из ваших знакомых – друга, друга вашего друга, дальнего родственника, – кого звали бы Шэн?

– Нет, никого. А можно еще раз взглянуть на фотографию?

Дакуорт вынул из кармана телефон и вывел на экран снимок. Гаффни какое-то время молча смотрел на него, после чего сказал:

– Знаете, я все еще не могу поверить, что у меня на спине действительно есть эта надпись. Что все это реально со мной случилось. Мне до сих пор кажется, что на фото не моя спина. Что же это за Шэн? Я кажусь сам себе каким-то чокнутым.

По дороге в больницу Дакуорт сделал небольшой крюк и купил для Гаффни в «Макдоналдсе» кофе, бисквит и сосиску с яйцом. Бедняга проглотил все с такой же скоростью, как незадолго до этого перезрелый, потемневший банан.

Народу в приемном покое городской больницы Промис-Фоллз оказалось немного. Гаффни приняли через десять минут после приезда. Дакуорт коротко ввел в курс дела врача, доктора Чарльза, молодого человека, внешне похожего на индийца. Затем детектив сообщил доктору, что хотел бы побеседовать с ним после осмотра. После этого Дакуорт вышел из кабинета и, найдя место, где сигнал на смартфоне был достаточно надежным, вошел в Интернет и открыл браузер, чтобы сделать запрос в поисковой системе.

Он ввел слова «Шэн» и «убийство» и принялся ждать. В Интернете обнаружился целый миллион ответов на запрос, но несколько первых оказались явно не имеющими никакого отношения к тому, что пытался найти Дакуорт. В них говорилось о книгах детективного содержания или содержались статьи об убийствах, подписанные авторами по имени Шэн. Дакуорт сузил зону поиска, введя в поисковую строку «Промис-Фоллз», но и это ничего не дало.

Тогда он отправился в зал для посетителей и сел на диван. Несколько минут спустя из кабинета вышел Брайан Гаффни в сопровождении доктора Чарльза.

– Могу я обсудить ваше состояние с офицером полиции? – поинтересовался врач.

Гаффни устало кивнул.

– Со здоровьем у мистера Гаффни все в порядке, – сказал врач. – Но он все еще не пришел в себя от чего-то, что привело его в бессознательное состояние.

– Вы можете хотя бы предположить, что именно это было?

Врач отрицательно покачал головой.

– Я хотел бы поддержать пациента какое-то время здесь, чтобы понаблюдать за его состоянием и сделать анализы крови, – сказал он. – Вы знаете, кто мог сделать ему татуировку? В этом случае мы могли бы выяснить, были ли соблюдены необходимые меры предосторожности – например, должным образом простерилизованы инструменты.

– К сожалению, нам об этом ничего не известно, – пожал плечами детектив.

Доктор Чарльз издал горлом какой-то булькающий звук.

– Что ж, если оборудование для нанесения татуировок было заражено инфицированной кровью, для мистера Гаффни все это может закончиться гепатитом В, гепатитом С или столбняком.

– О господи, – пробурчал Дакуорт.

– Если у вас появятся еще вопросы, я буду здесь, – сообщил доктор и отправился к себе. Дакуорт успокаивающим жестом положил Гаффни руку на плечо.

– Мне нужно вас сфотографировать, – сказал он.

– А?

– Я собираюсь отправиться в бар «У Рыцаря» и проверить, видел ли вас кто-нибудь там. Гаффни потерянно кивнул. Дакуорт быстро сделал его портрет с помощью своего смартфона и взглянул на экран, чтобы понять, приемлемого ли качества получился снимок.

– Может, вы хотите, чтобы я связался с вашими родителями?

– Да, пожалуй, – ответил Гаффни, немного подумав.

– Я вижу, вы не совсем в этом уверены. Почему?

– Понимаете, я...

– Ну? В чем дело, Брайан?

– Понимаете... Мне стыдно, что со мной случилось такое.

– В этом нет вашей вины, – сказал Дакуорт, хотя и не был уверен, что его слова соответствуют действительности. В конце концов, Гаффни мог выпить больше, чем следовало. Нельзя было исключать и того, что татуировку сделали с его согласия, хотя он мог этого и не помнить. Впрочем, интуиция все же подсказывала детективу, что это не так.

– Полагаю, вам все же стоит дать им знать, – произнес Гаффни с сомнением на лице и в голосе.

Дакуорт дал ему свой блокнот, чтобы он записал адрес родителей, проживающих на Монткальм-стрит, и номер их телефона. Детектив решил, что отправится сначала туда, а уж потом в бар «У Рыцаря». Он уже выезжал со стоянки приемного отделения больницы, когда его сотовый телефон зазвонил. Это была Морин.

– Привет, – сказал он, включая блютуз. – Ты на работе?

– Ага. У нас тут что-то вроде небольшого затишья. Я не вовремя?

Морин работала в торговом центре Промис-Фоллз, в магазине, торговавшем очками.

– Да нет, все нормально.

– Как ты?

Вопрос Морин был вполне невинным. Она всегда задавала его, когда звонила мужу. Но – Дакуорт чувствовал это – он не был дежурным. Супруга действительно интересовалась, *как у него дела*. Морин в самом деле хотела знать, *как он себя чувствует*. Даже сейчас, через десять месяцев после того, как он вернулся на работу.

– Я в порядке, – ответил Дакуорт. – Случилось что-нибудь?

– Ничего.

Однако по голосу жены детектив понял: что-то все же произошло. Чаще всего основной причиной для беспокойства Морин – после мужа – был их с Дакуортом сын, Тревор. Ему было двадцать пять, он жил с родителями и искал работу.

Раньше Тревор работал водителем грузовика в компании «Финли Спрингс-Уотер». Ее владелец, Рэндалл Финли, лет десять назад являлся мэром Промис-Фоллз, но вынужден был

покинуть свой пост после того, как достоянием гласности стали его отношения с несовершеннолетней проституткой. Тем не менее год назад он снова умудрился стать градоначальником.

Думая об этом, Дакуорт всякий раз приходил к выводу, что на свете возможны любые чудеса, а человеческая глупость и наивность безграничны.

Тревор, как и его отец, презирал Финли и, когда ему подвернулась другая работа – тоже водителем грузовика, но в компании, занимавшейся лесозаготовками, – ушел с завода по разливу минеральной воды туда. Но, поскольку строительная промышленность восстанавливалась медленно и спрос на стройматериалы оставался низким, через три месяца Тревора уволили. После этого ему пришлось переехать обратно в родительский дом – на время, пока он подыщет для себя что-то еще.

Разумеется, Барри и Морин могли предложить сыну оплачивать за него аренду. Но им обоим не нравилось в этом варианте то, что подобная ситуация могла длиться сколько угодно и предусматривала некие обязательства лишь с их стороны. Они решили, что этого позволить себе не могут, и предложили Тревору временно переехать к ним, в его прежнюю комнату. Они испытали смешанные чувства, когда он ухватился за это предложение. Однако в итоге оказалось, что притом, что их сын жил под одной крышей с ними, они его почти не видели. Вечера он проводил большей частью вне дома, а возвращался тогда, когда Барри и Морин уже спали.

Проблема состояла в том, что на самом деле чаще всего, выключив в спальне свет, они лежали с открытыми глазами, дожидаясь его возвращения – как в те времена, когда он был еще подростком и обязан был приходиться домой к определенному часу. Дакуорт давно уже понял, что, когда дети живут отдельно, родителям по крайней мере не приходится беспокоиться по поводу того, что они засиживаются где-нибудь допоздна. Но когда взрослые дети по тем или иным причинам снова оказываются в родительском гнезде, их отцы и матери начинают испытывать прежнее беспокойство по поводу того, где они и что с ними.

– Что-нибудь с Тревором? – спросил Дакуорт.

Он услышал в трубке вздох Морин.

– В последние дни он сам не свой.

– В чем это выражается?

– А ты ничего не заметил?

– Понятия не имею, о чем ты.

– Разве полицейские не должны быть наблюдательными и замечать изменения в поведении людей?

Дакуорт не понял, пытается ли его жена пошутить или говорит серьезно.

– Да, но до матерей нам в этом деле далеко, – сказал он.

– Перестань говорить со мной покровительственным тоном.

– У меня и в мыслях такого не было.

– Тем не менее именно это ты и делаешь. Ты считаешь, что я раздуваю из мухи слона.

– Лучше скажи мне, что ты заметила такого, что я упустил?

– Ну, на первый взгляд ничего особенного. Но Тревор кажется слишком уж погруженным в себя. На него это не похоже.

– У него есть о чем задуматься, – произнес Дакуорт. – Он ищет работу и вынужден жить с родителями. Во всем этом мало веселого.

– Он проводит очень много времени у компьютера.

– Скорее всего, просматривает объявления о вакансиях. Теперь их уже не ищут в газетах.

– Наверное, ты прав.

Барри и Морин немного поговорили о том, не следует ли Тревору снова пойти учиться, чтобы углубленно овладеть какой-нибудь профессией. После путешествия с девушкой по Европе Тревор поступил в Сиракузский университет, на факультет политических наук, и

вполне успешно его закончил. Никто не ожидал от него, что он станет политиком или будет работать на кого-то из политической элиты. Но Барри и Морин казалось, что Тревору удастся добиться чего-то более многообещающего и перспективного, чем должность водителя грузовика в компании, принадлежащей самовлюбленному ублюдку, который второй раз сумел пробиться в мэры Промис-Фоллз.

– Хотела бы я знать, куда он уходит каждый вечер, – сказала Морин.

– Когда он не жил с нами, мы понятия не имели, где он проводит вечера. У него есть право на личную жизнь. Чем он занимается по вечерам, не наше дело.

– Я знаю. Ладно, мне пора. У меня появился покупатель.

– Поговорим позже, – произнес Дакуорт и нажал на кнопку сброса звонка.

Когда он добрался до дома родителей Брайана Гаффни, было уже около пяти часов вечера. На подъездной дорожке к дому стояли два автомобиля. Дом оказался скромным, но ухоженным двухэтажным строением. Машины – средней цены седанами производства концерна «Дженерал моторс», на вид примерно пятилетними.

Дакуорт позвонил. Спустя секунды дверь открыла грузная женщина лет сорока с небольшим.

– Да?

– Миссис Гаффни?

– Верно.

– Простите, а как вас зовут?

– Констанс. А вы кто?

Дакуорт предъявил свой полицейский значок и представился. Хозяйка с опаской оглядела дела и значок, и детектива. Дакуорт по опыту знал, что полицейский значок вызывает настороженность у большинства людей – появление копов у дверей дома редко означает хорошие новости. Однако ему показалось, что реакция Констанс Гаффни была более выраженной, чем обычно в подобных случаях.

– Скажите, ваш муж дома? – осведомился Барри.

– А в чем дело?

– Если ваш муж дома, мне бы хотелось поговорить с вами обоими.

– Альберт! – позвала хозяйка, глянув назад через плечо. – Альберт!

Через несколько минут у дверей появился и Альберт Гаффни – лысеющий, тоже коренастый и достаточно широкий в плечах, чтобы заслонить свою жену, встав перед ней.

– Что случилось? – поинтересовался он, ослабляя узел галстука, стягивавший воротник белой рубашки. При виде Дакуорта и его значка на лице мистера Гаффни появилось такое выражение, словно он ощутил во рту неприятный вкус. – Итак, в чем дело?

– Дело касается вашего сына Брайана, – сказал Дакуорт.

– Что с ним случилось? – спросила Констанс Гаффни, делая шаг в сторону, словно приглашая детектива в дом. Альберт Гаффни, однако, не двинулся с места.

– С ним все в порядке. Сейчас он в городской больнице Промис-Фоллз – ему нужно сдать кое-какие анализы.

– Анализы? – переспросил Альберт. – Что произошло?

– На него... напали, – ответил Дакуорт. – Возможно, какое-то время злоумышленники удерживали его у себя.

– Напали? – Лицо мужчины выразило волнение. – Что значит – напали? Его... Я хочу сказать, его кто-нибудь... он серьезно пострадал?

– Видите ли, его лишили сознания и...

Дакуорт замялся. В самом деле, как описать то, что случилось с Брайаном? Мало было сказать, что его лишили сознания и нанесли на спину татуировку. Дело обстояло хуже. Чтобы установить в полной мере тяжесть совершенного по отношению к Брайану преступления, его

необходимо было тщательно осмотреть и обследовать. Дакуорт собирался показать родителям пострадавшего снимки на своем телефоне, но теперь решил, что это будет не совсем уместно.

– Самым правильным будет навестить его, – закончил детектив.

– Ради всего святого, Альберт, найди свои ключи, – Констанс Гаффни бросила на мужа свирепый взгляд. – Надеюсь, теперь ты доволен.

Альберт хотел что-то сказать, но по глазам супруги понял, что будет лучше, если он промолчит. Отец Брайана повернулся к Дакуорту.

– Кто это сделал? – спросил он. – Кто напал на моего сына?

– Сейчас идет расследование, – сказал детектив. – У меня есть к вам вопрос.

Альберт кивнул, выражая готовность выслушать Дакуорта.

– Вы знаете кого-нибудь по имени Шэн? Кого-нибудь, кто был бы так или иначе связан с вашим сыном или вашей семьей?

– Шэн? – переспросил Альберт Гаффни. – Вы хотите сказать, что преступление против моего сына совершил именно этот человек?

Дакуорт отрицательно качнул головой:

– Нет. Так как, есть в вашем окружении кто-то, кого звали бы Шэн?

– Нет, – ответил Альберт, а затем, посмотрев на жену, поинтересовался: – Это случилось в его квартире? Дома у сына?

– Нет. Брайан утверждает, что все началось в баре, который называется «У Рыцаря».

– Вот видишь? – Во взгляде Альберта, устремленном на Констанс, нетрудно было заметить торжествующе-обвинительное выражение. Такой же оказалась и интонация, с которой был задан вопрос. – Это в любом случае могло с ним случиться. Он ходил туда и в то время, когда жил с нами.

Тем не менее по лицу Констанс было видно, что она по-прежнему в чем-то винит именно мужа.

– Пойду возьму свою сумочку, – сказала она.

– Ключи, – произнес Альберт, хлопая себя по карманам. – Куда подевались мои чертовы ключи?

Оба супруга исчезли в глубине дома. Дакуорт отправился к своей машине. В это время у обочины рядом с домом Гаффни затормозил зеленый «Фольксваген»-жук – старый, а не новый вариант популярного во всем мире автомобиля. Сидящая за рулем молодая женщина заглушила двигатель и вышла из машины.

Дакуорт вспомнил, как Брайан говорил ему, что у него есть сестра.

– Вы Моника? – спросил он, когда женщина приблизилась к дому.

Она взглянула на него с недоверием.

– А вы кто?

Дакуорт представился и коротко рассказал сестре Брайана все то, что уже успел поведать его родителям. Дождавшись момента, когда у Моники прошел первый шок от известия о том, что ее брат находится в больнице, детектив поинтересовался:

– Когда вы в последний раз разговаривали с Брайаном?

– Я пыталась позвонить ему вчера вечером, но он не ответил. А видела я его в последний раз, наверное, на прошлой неделе. Я заезжала к нему на работу.

– Моника, среди ваших знакомых и знакомых вашего брата есть человек по имени Шэн?

– Шэн?

– Да.

– Я не знаю никакого Шэна. А это мужчина или женщина?

– Не могу сказать.

– Потому что, если брат с кем-то встречается, я могу об этом не знать.

– Шэна, о котором идет речь, может уже не быть среди нас.

– В том смысле, что он мертвый?

Дакуорт кивнул.

– Этот факт не наводит вас ни на какие воспоминания?

Моника затрясла было головой, но вдруг застыла на месте.

– О нет. Может, не Шэн, а Шон? Но это не может быть *тот* Шон.

– О ком вы?

Моника указала подбородком в сторону дома на другой стороне улицы.

– Так звали пса старой леди Бичем. Сразу после того, как Брайан получил водительские права, он, сдвая задним ходом, задавил его.

– Брайан задавил собаку вашей соседки?

Моника кивнула:

– Это случилось несколько лет назад. Хотя виновата в этом была хозяйка пса, которая отпустила его на улицу без поводка, она была просто вне себя. Но теперь ей уже все равно.

– Это почему?

Моника пожала плечами:

– Дело в том, что миссис Бичем окончательно выжила из ума.

Глава 5

Кэл

Мисс Плимpton проводила меня из гостиной через кухню, которая была значительно больше, чем все мое жилище, на заднюю веранду, выходящую на большой внутренний двор с работающим фонтаном. Веранда была обставлена белой плетеной мебелью, по которой кто-то в живописном беспорядке разбросал цветастые подушки. Четыре стула оказались заняты.

У меня до этого сложилось впечатление, что мне предстоит беседа с двумя людьми, а не с четырьмя.

Я догадался, что женщина, сидевшая на стуле, который находился ближе остальных ко мне, была племянницей мисс Плимpton, которую звали Глория Пилфорд. На вид я бы дал ей лет сорок. Она была одета в белые брюки, кораллового цвета блузку и босоножки на высоких каблуках. Светлые волосы собраны в пышную прическу с начесом, отчего ее голова казалась слишком большой для ее хрупкого, изящного тела. При нашем с мисс Плимpton появлении она вскочила на ноги, благодаря обуви оказавшись со мной одного роста. Глория улыбнулась, и ее лицо покрылось морщинами, словно было сделано из папье-маше. Счастье ее, по крайней мере на вид, было так велико, что, казалось, еще немного – и ее мимические мышцы порвут кожу.

Глория протянула мне руку, и я пожал ее.

– Это просто чудесно, – сказала она. – Я так рада, что вы собираетесь нам помочь!

Прежде чем я успел что-либо возразить, мисс Плимpton предостерегающе подняла руку.

– Он согласился встретиться с тобой, Глория. Пока это все.

Улыбка тут же погасла, и Глории стоило немалых трудов вернуть ее обратно. Она обернулась к трем другим сидящим на стульях людям – все они были мужчинами.

– Мистер Уивер, это мой добрый друг и партнер Боб Батлер.

Один из мужчин встал. Рост выше шести футов, седые волосы, бочкообразная грудь, мощная нижняя челюсть, голубые глаза. Возраст в районе пятидесяти или чуть больше. Сшитые у портного брюки, белая рубашка с открытым воротом, спортивный пиджак из клетчатой шотландки. Мужчина протянул руку и стиснул мою ладонь в жестком пожатии.

– Рад с вами познакомиться, – сказал он. – Мэдэлайн очень благоприятно о вас отзывался.

– А это, – продолжила Глория Пилфорд, – Грант Финч.

На ноги поднялся другой мужчина. Он единственный из трех был в строгом костюме. Я мог бы побиться об заклад, что и «Ролекс» за запястье имелся только у него. Видимо, именно ему принадлежал припаркованный у дома бумер. Грант Финч был чуть ниже ростом, чем Боб Батлер, но его рукопожатие оказалось таким же твердым.

– Я тоже слышал о вас много хорошего, – он одарил меня сверкающей, словно у телезвезды, улыбкой. – Надеюсь, вы уже знаете, почему я здесь. Во время процесса по делу Джереми я защищал его интересы.

– Вы один из самых известных юристов в стране, – сказал я.

Финч небрежно махнул рукой, демонстрируя скромность.

– Или малоизвестных – все зависит от того, с какой стороны смотреть. Процесс может продолжаться неделю или две, и после него обо мне все забывают – до того момента, пока через двадцать лет телеканал Эйч-би-оу не решит сделать из этой истории целый сериал.

По тому, как это было сказано, стало ясно, что Грант Финч рассчитывает именно на такой конечный исход.

Глория чуть отстранила обоих мужчин, чтобы я мог получше рассмотреть черноволосого молодого человека, сидящего в плетеном кресле в дальнем конце веранды.

– А это, – сказала она, торжественно вытянув вперед руку, – мой сын Джереми, последний по порядку, но не по важности.

Юноша почти сполз со стула, так что казалось: он вот-вот окончательно соскользнет с него на пол. Он был щуплым и чем-то напоминал цыпленка. Сгорбившись, он напряженно смотрел на экран своего телефона, а его большие пальцы порхали по клавиатуре.

Мисс Плимpton сказала, что ему восемнадцать, но на вид молодому человеку можно было дать двадцать или даже двадцать один год. Тощее и в то же время какое-то тестообразное тело говорило о том, что он гораздо больше времени проводит перед экраном телевизора или компьютера, чем на спортивных площадках. Определить его рост было трудно, так как молодой человек сидел и к тому же сильно сгорбился, однако было ясно, что до шести футов он недотягивает.

– Привет, – произнес юноша, не поднимая глаз от экрана телефона.

– Джереми, ради бога, пожми руку этому человеку, – сказала Глория, словно я был щенком, с помощью которого она хотела привлечь внимание своего отпрыска.

– Ничего, все в порядке, – я приветственным жестом поднял ладонь. – Рад с вами познакомиться, Джереми.

– Пожалуйста, извините его, – сконфуженно улыбнулась мне Глория. – Он устал, и последнее время находится под воздействием сильного стресса.

– Как и все мы, – вставил Боб Батлер.

Глория представила Боба как своего друга и партнера. Однако отцом молодому человеку он не приходился – это, по крайней мере, было очевидно.

– Разумеется, – кивнул я.

– Джереми, – с преувеличенной бодростью заговорила Глория, – тебе что-нибудь нужно? Молодой человек пробурчал что-то неразборчивое.

– А как насчет вас, мистер Уивер? – спросила Глория, изо всех сил стараясь спасти положение. – Хотите чего-нибудь выпить?

– Спасибо, нет, – ответил я. – Ваша тетушка уже напоила меня чаем.

– Я могу налить вам чего-нибудь покрепче. Почему бы нам не поговорить на кухне?

Грант Финч дружеским жестом положил руку мне на плечо, и мы все – кроме Джереми – покинули веранду и вернулись в дом.

– Нам всем пришлось через многое пройти. Но теперь по крайней мере есть основания надеяться, что этот кошмар скоро закончится, – сказал мистер Финч.

Когда мы оказались на кухне, Глория открыла невероятных размеров холодильник из нержавеющей стали и достала оттуда бутылку вина.

– Кто-нибудь составит мне компанию? – поинтересовалась она.

Желающих не нашлось.

– Может, вы расскажете о том беспокойстве, которое вам причиняют в последнее время? – предложил я.

– Это коснулось не только Джереми, – сказала Глория, вытаскивая пробку из бутылки, которая была наполовину пуста. – Я тоже получаю свою порцию. Люди рассказывают обо мне в Интернете невообразимые вещи. Что я худшая мать на свете. – Глория вздохнула. – Впрочем, возможно, так и есть.

– Нет, это, конечно же, неправда, – заявил Боб. – Глория любит Джереми больше всех на свете. Она замечательная мать. Я знаю это не понаслышке.

Мисс Плимптон при этих словах с каменным лицом вышла из кухни в гостиную и вернулась с чайником и чашками.

Я посмотрел на Боба.

– Скажите, вы и миссис Пилфорд... – сказал я, намеренно не закончив фразу.

Глория придвинулась вплотную к Бобу и вложила свою кисть в его ладонь. Затем повернула руку таким образом, чтобы я не мог не увидеть кольцо с камнем на ее пальце.

– Мы с Бобом помолвлены, – пояснила она. – Это единственное светлое пятно в моей жизни в последнее время. – Лицо Глории исказила болезненная гримаса. – Нет, я беру свои слова обратно. То, что Джереми не отправили в тюрьму, – это было великой радостью и чудом.

Боб несколько сконфуженно улыбнулся.

– Глории нужно разобраться кое с какими делами прежде, чем мы поженимся. Но мы вместе уже несколько лет.

Глория кивнула:

– Когда я наконец освобожусь от Джека, мы сможем двигаться дальше в наших отношениях. Джек – это мой бывший муж. – Глория закатила глаза к потолку. – Господи, с каким нетерпением я жду развода. Боб так терпелив, так добр ко мне.

Сказав это, Глория закусила нижнюю губу.

– Что ж, прекрасно, – подытожил я.

– А еще один мой герой – это вот этот человек, – торжественно произнесла Глория, указывая на Гранта Финча и одновременно крепко сжимая руку Боба. – Если бы не он, мой мальчик сейчас был бы в тюрьме. Большое тебе спасибо, Боб, дорогой, за то, что привлек к этому дела Гранта.

– Ну, за это следует поблагодарить не только меня, но и Галена, – заметил Боб.

Услышав это имя, Глория высвободила свои пальцы из руки Боба и вернулась к холодильнику, чтобы налить себе еще вина.

– Это Гален вывел меня на Гранта, – пояснил Боб. – Когда у Джереми возникли проблемы, Гален сразу же подумал о Гранте и порекомендовал мне обратиться к нему.

– Гален? Кто это? – спросил я.

Боб кивнул в знак того, что ему понятно мое недоумение.

– Извините. Я говорю о Галене Бродхерсте. Это мой деловой партнер. Я занимаюсь недвижимостью. Строительство, землеустройство и тому подобное.

– Он тоже здесь, в доме?

– Вообще-то он говорил, что, возможно, заедет сюда попозже.

– Мы бы не справились без вас, Грант, – сказала Глория, наливая вино в высокий бокал. Глаза ее сузились. – Я не могу это не признать. Хотя мне и неприятно то, что на протяжении всего процесса вы выставляли меня круглой душой.

Это были первые слова, которые, как мне показалось, были сказаны ею от души.

– Что ж, – пожал плечами Грант, – у всех у нас была одна цель – не допустить, чтобы Джереми посадили в тюрьму. Он не заслуживал такой судьбы.

– Разумеется, – тихо произнесла Глория.

– А что отец Джереми? – поинтересовался я. – Кажется, вы упомянули, что его зовут Джек?

Глория отпила из бокала большой глоток и покачала головой:

– Мы расстались три года назад. Как бизнесмен он Бобу в подметки не годится. Впрочем, к нашему разрыву это не имело никакого отношения.

– В жизни все очень сложно, – Боб с трудом выдавил из себя улыбку. – Не так ли?

– Что правда, то правда, – согласилась Глория.

– А во время процесса Джек как-то принимал во всем этом участие? – осведомился я.

– Участие? Каким образом? – не поняла Глория.

Я пожал плечами:

– Ну, например, финансово. Или в плане оказания моральной поддержки.

– Да, конечно. – Глория снова закатила глаза.

– Может, если бы ты не перекрыла для него все возможности участия, он бы предпринял больше усилий, чтобы помочь Джереми, – сказал Боб Батлер и посмотрел на меня. – Расходы на юридическую поддержку в основном покрыл я. Грант Финч обходится недешево.

Финч попытался напустить на себя смущенный вид, но это плохо ему удалось.

– Гален тоже поучаствовал в оплате счета, предъявленного Грантом, – продолжил Боб. – Он решил, что обязан это сделать. Только не обижайся, Глория, но ты не могла себе это позволить.

– Это правда. Я не смогла бы обойтись без вашей помощи, – признала Глория, однако с интонацией, в которой я не почувствовал искренней благодарности.

Боб вскинул руки:

– Впрочем, хватит обо всем этом. Уверен, мистер Уивер, вас не очень-то интересуют эти подробности. Полагаю, вы хотели бы побольше узнать о том, чем вам предстоит заняться.

– Пожалуй. Расскажите же мне об этом.

– Глория, – предложил Боб, – покажи мистери Уиверу свой телефон.

Глория Пилфорд подошла к одному из стульев, на спинке которого висела ее сумочка, достала из нее телефон и забарабанила пальцами по экрану.

– Вот, – она наконец протянула мне мобильный. – Это моя страничка в Фейсбуке. Посмотрите, какие посты мне на ней размещают. Их было много, но я большую часть стерла. Эти нападали после завтрака.

Я взглянул на экран телефона и прочел:

Это ты Большой Ребенок, а не твой сын.

Ты худшая мать в Соединенных Штатах Америки.

Дети должны знать, что все имеет свои последствия. Мне жаль твоего глупого мальчишку – именно потому, что у него такая мать. Да, натворила ты дел, воспитав его такой сволочью.

Послание завершалось весьма специфическим пожеланием:

Чтоб ты всю жизнь жрала дерьмо.

Глория, которая, стоя рядом, наблюдала за тем, как я читаю, указала на последнюю строку и тихонько сказала:

– Позвольте, я сотру это прямо сейчас. Я не хочу, чтобы это видела Мэдэлайн.

– Не хочешь, чтобы я видела что? – спросила мисс Плимптон, которая как раз в этот момент снова вернулась из гостиной, держа в руках поднос с молочником и сахарницей.

– Ничего, – ответила Глория и уничтожила строку. – Читайте дальше, мистер Уивер.

Твой сынок должен сдохнуть, и ты тоже.

Как ты можешь спать по ночам, когда твой ублюдок на свободе, а девочки, которую он убил, никогда больше не будет на свете?

Пуля между глаз – вот чего ты заслуживаешь, да и это слишком хорошо для тебя.

Думаешь, ты сможешь спрятаться от нас? Куда бы ты ни отправилась в Америке, люди будут знать про тебя все. Все наблюдают за тобой и твоим мерзким вырождением.

Злоба, сквозившая в каждом слове послания, меня не удивила. Удивило другое – то, что люди оставили под такими постами свои настоящие имена.

Я положил телефон на стол и обратился к Глории:

– А вы не думали о том, чтобы закрыть свою страничку в Фейсбуке? Ведь она позволяет этим людям вступать с вами в контакт, а вам это неприятно.

– Я должна защищаться, – ответила Глория. – Я не могу позволить, чтобы обо мне говорили подобные вещи безнаказанно.

– Вы просто даете им в руки рупор.

Глория на секунду прикрыла глаза и вздохнула. Было видно, что она не в первый раз излагает свою позицию по данному вопросу.

– Они в любом случае будут все это говорить. Сейчас я, по крайней мере, знаю, кто это делает, и могу ответить. – В углу правого глаза Глории показалась слезинка. – Они не понимают. Они просто понятия не имеют...

– Первый вопрос – как эти люди попали к вам в друзья на Фейсбуке? Разве для этого не положено запрашивать разрешение? Ваше дело – пустить кого-то в друзья или отказать. Разве не так?

Грант Финч устало посмотрел на меня:

– Об этом мы уже не раз говорили.

– Я хочу знать, кто мои враги, – вызывающим тоном заявила Глория.

– Это все равно что распахнуть перед вашими недоброжелателями парадную дверь, – заметил я. – А что с телефонными звонками? Вам угрожали по телефону?

Глория отрицательно покачала головой:

– Боб настоял, чтобы мы поменяли номера и не регистрировали их. Раньше нам звонили круглые сутки.

– Фейсбук – это еще не все, – сообщил Боб. – Мэдэлайн, ваш лэптоп, надеюсь, недалеко?

Мисс Плимптон вышла из кухни и секунды спустя вернулась, держа в руках супертонкий портативный компьютер фирмы «Макинтош». Боб поднял крышку, вошел в браузер и с быстротой молнии набрал несколько комбинаций на клавиатуре.

– Я не могу больше на это смотреть, – сказала мисс Плимптон. С этими словами она отошла к холодильнику и извлекла из него банку кока-колы. – Пойду отнесу это Джереми.

С этими словами она снова вышла.

Боб повернул ко мне экран лэптопа, и я увидел набранный крупным шрифтом заголовок: «Преподай Большому Ребенку урок». Под ним красовалось анимационное изображение рыдающего малыша, которое каждые три-четыре секунды появлялось и снова исчезало. Далее шли рассуждения людей по поводу того, что бы они сделали с Джереми Пилфордом. Некоторые считали, что его следует сбить машиной – точно так же, как он поступил со своей жертвой. Другие предлагали отрезать ему голову в стиле ИГИЛ. Были и такие, которые также высказывались за то, чтобы переехать его автомобилем, но таким образом, чтобы он на всю жизнь остался калекой-инвалидом и каждый день вспоминал о том, что натворил.

– Это не единственный сайт такого рода, – пояснил Боб. – Есть организация хакеров, которая называется «Анонимус». Слышали о ней? Ее участники выдают правительственные секреты, взламывая самые разные сайты. Помимо прочего, они выступают за совершение реальных актов насилия. Существует целое соревнование под названием «Найди Большого Ребенка». Людям предлагают отправлять на некие адреса сообщения о том, где именно может находиться Джереми в данный момент времени. В этом состязании участвует огромное множество пользователей соцсетей. Поэтому, куда бы Джереми ни пошел, всегда найдется кто-то, кто выложит в Твиттер сообщение о том, что видел его там-то и там-то. Некоторые ресурсы даже предлагают определенные суммы денег тем, кто его найдет, – и куда более значительные тем, кто его найдет и что-нибудь с ним сделает. Насколько мы знаем, есть ненормальные, которые пытаются отследить каждый его шаг.

Что-то еще на экране портативного компьютера привлекло мое внимание, хотя я не мог сразу определенно сказать, что именно. В конце концов я сообразил, что это фото человека, признанного ответственным за тот кошмар с отравленной водой, которая произошла в Промис-Фоллз год назад. Невероятно, но факт: тот тип приобрел определенную популярность и в глазах некоторых даже превратился в героя, когда стало известно, что совершенное им чудовищное преступление было задумано как некий «урок».

Жители Промис-Фоллз и до этого имели не слишком хорошую репутацию, поскольку ни один из них в свое время не пришел на помощь женщине, которую убивали в парке в самом центре города.

После случая с отравленной водой и неадекватной реакции на него многих представителей местной общественности негативный характер этой репутации лишь усугубился. Похоже, жители Промис-Фоллс превратились в первоочередных кандидатов на кару небесную.

А месяца три тому назад в городке произошла история, непосредственным участником которой стал некто по фамилии Пирс. Звали этого человека не то Крэйг, не то Грег – что-то в этом роде. В общем, его обвинили в сексуальном надругательстве над девушкой-инвалидом, но в конечном итоге оправдали, хотя, как выяснилось впоследствии, напрасно – он все же был виновен. Привлечь его к суду вторично не представлялось возможным, поэтому кто-то решил подменить опростоволосившееся правосудие. В итоге на этого самого Крэйга, или Грега, Пирса натравили питбуля, который то ли загрыз его насмерть, то ли страшно изуродовал.

Впрочем, то, что с ним случилось, было не моей проблемой. То же самое можно было сказать и о проблеме, к решению которой меня пытались привлечь сейчас.

– С меня достаточно, – сказал я, и Боб закрыл крышку ноутбука.

– Вы нам поможете? – спросила Глория, указывая на компьютер, и глаза ее стали наполняться слезами. – Вы ведь видите, что это не пустые угрозы. Моему мальчику грозит реальная опасность!

– Я не могу помочь вам найти тех, кто вам угрожает, – отозвался я. – В смысле, их слишком много – наверное, сотни. При этом большинство их не раскрывают своих имен и адресов. Но, насколько я понял со слов Мэдэлайн, вы хотите от меня не этого.

– Мы хотим, чтобы вы защитили моего сына.

– Но я не телохранитель. Я четко это объяснил.

– Тогда помогите нам найти нужных людей, – сказал Грант Финч. – Оцените, что нужно сделать для обеспечения безопасности. Просто побудьте здесь пару дней.

Адвокат бросил на Глорию взгляд, который, видимо, означал, что ей лучше оставаться на месте. Затем он взял меня под локоть и отвел в сторону.

– Поймите, Глории и Бобу станет намного спокойнее, если вы будете рядом. Вы получите хорошую компенсацию за потраченное время. Я приехал сюда сегодня именно потому, что мне хотелось с вами познакомиться. Скажу прямо, мне понравилось то, что я увидел. Вы кажетесь мне хорошим, порядочным человеком, и ваша помощь была бы весьма уместна.

Мэдэлайн Плимптон вернулась на кухню и села в кресло. У нее был усталый вид.

– Я отдала ему кока-колу, – сообщила она.

Финч отпустил мою руку и обратился ко всем сразу:

– Мне пора ехать. Через сорок пять минут у меня встреча с клиентами в офисе в Олбани, так что мешкать не следует.

Боб энергично пожал адвокату руку, в то время как Глория, опираясь о кухонный прилавок, поднесла к губам бокал с вином и ограничилась кивком. Мэдэлайн Плимптон, прощаясь с Грантом Финчем, с некоторым усилием встала с кресла.

– До свидания, Мэдэлайн, – Грант взял ее руку в свою и деликатно пожал, после чего, чуть наклонившись, обозначил символический поцелуй в обе щеки.

– До свидания, Грант, – откликнулась хозяйка дома. – Спасибо вам за все, что вы сделали.

Когда адвокат ушел, я, поймав взгляд Мэдэлайн, спросил:

– Вы не могли бы подсказать мне, где находится ванная комната?

Хозяйка указала мне нужное направление. Я, впрочем, знал, где находится ванная – поскольку видел ее, пока мы шли на веранду с задней стороны дома. На самом деле моей целью было не ее посещение.

У открытой двери веранды я остановился. Джереми Пилфорд отложил свой телефон. Банка с кока-колой стояла на столе. Молодой человек смотрел через защитный экран из проволочной сетки в сторону заднего двора. Просто смотрел – и все.

Еще совсем недавно мне показалось, что на вид ему можно дать двадцать лет или даже чуть больше. Теперь же он выглядел лет на четырнадцать-пятнадцать.

Возможно, столько ему и было на самом деле – в смысле эмоциональной зрелости.

Очевидно, почувствовав мое присутствие, Джереми повернул голову и увидел меня. Наверное, я мог и ошибиться, но мне показалось, что на его лице я увидел выражение двух чувств – безнадежности и страха.

Я кивнул, шагнул назад и вернулся в кухню. Трое людей, остававшихся там, о чем-то тихо разговаривали между собой. При моем появлении все замолчали и вопросительно посмотрели на меня.

– Ладно, – сказал я. – Я вам помогу.

Глава 6

– Что вы имеете в виду, когда говорите, что она выжила из ума? – спросил Барри Дакуорт у Моники Гаффни.

Глядя на дом, расположенный на другой стороне улицы, сестра Брайана ответила:

– Миссис Бичем – женщина очень старая, и я не уверена, что она всегда отдает себе отчет в том, что происходит вокруг. Как-то раз она оставила работать поливальную установку на пять дней, причем большая часть воды попала на подъездную дорожку. В наших с ней отношениях бывали разные периоды. Все стало несколько лучше после смерти ее мужа лет десять тому назад. Он был мерзким ублюдком – простите мне мой французский. Впрочем, сама миссис Бичем, конечно, тоже не подарок. Но почему вы спросили про Шона?

– Про Шэна. Это имя всплыло в связи с происшествием, которое приключилось с вашим братом, – пояснил детектив.

Дверь главного входа в дом открылась, и на пороге появились родители Брайана Гаффни.

– Моника, Брайан в больнице, – произнесла Констанс.

– Да, он мне сообщил. – Моника кивнула на Дакуорта.

– Пойдемте, – сказал Альберт и, низко опустив голову, направился к машине.

Моника, не говоря больше ни слова Дакуорту, последовала за отцом и села на заднее сиденье. Альберт устроился за рулем, Констанс забралась на пассажирское сиденье рядом с ним. Машина тронулась и, выехав со двора, покатила по улице. Барри какое-то время смотрел ей вслед.

Перед домом миссис Бичем был припаркован старый синий минивэн. Сам дом представлял собой небольшое одноэтажное здание, которое утопало в разросшихся сорняках и кустарнике, достигавших высоты человеческого роста. Черепица на крыше местами потрескалась. Пара окон в доме была разбита, но никто не позаботился о том, чтобы заменить поврежденные стекла. Вместо этого их грубо заклеили скотчем. Дакуорт перешел улицу, миновал синий минивэн и позвонил в дверной звонок.

Дверь ему открыла не старая женщина, а щуплый, лысый мужчина лет сорока, одетый в шорты из обрезанных джинсов и темно-зеленую футболку. Он внимательно оглядел Дакуорта через очки, оправа которых тоже была прихвачена посередине клейкой лентой.

– Слушаю вас, – сказал мужчина. – Вы интересуетесь спальным гарнитуром?

Дакуорт отрицательно качнул головой.

– Я бы хотел видеть миссис Бичем.

– Зачем она вам?

Дакуорт достал свой полицейский значок и поднес его к лицу собеседника – достаточно надолго, чтобы тот мог внимательно его изучить.

– Но у нас здесь нет никаких проблем, – сообщил мужчина после паузы. – Все в полном порядке.

– Скажите, вы сын миссис Бичем?

– Э-э... нет.

– Как вас зовут, сэр?

– Харви.

– А фамилия?

Мужчина заколебался.

– А разве у меня нет права не сообщать вам мою фамилию?

– Полагаю, есть. У вас также есть право с самого начала узнать меня с плохой стороны.

– Харви Спратт.

Дакуорт улыбнулся.

- Скажите, Харви, это ваш минивэн?
- Нет, моей подруги, Нормы.
- Мистер Спратт, миссис Бичем дома?

– А она что, вам звонила?

- Мистер Спратт, я в последний раз спрашиваю вас по-хорошему: миссис Бичем дома?

Дальше я начну раздражаться.

- Да, дома.
- Я бы хотел с ней поговорить.

Харви Спратт быстро просчитал варианты, понял, что их у него немного, и широко распахнул перед Дакуортом дверь.

- Она внизу, смотрит телевизор.

Войдя в дом, Дакуорт не мог не обратить внимания на царивший вокруг хаос. Картонные коробки, стопки одежды, кипы газет, книги в мягких обложках, какие-то инструменты, пластиковый мешок, набитый другими пластиковыми мешками, множество сувениров, в том числе снежных шаров и миниатюрных копий Эмпайр-Стэйт-Билдинг, сломанная мебель – все это громоздилось в гостиной в полном беспорядке, так что невозможно было пройти к дивану и целым стульям. Впрочем, даже если бы это кому-то удалось, сесть на них вряд ли бы получилось, поскольку они тоже были захламлены каким-то старьем.

Харви направился к двери, которая, судя по всему, вела в подвал. В это время какая-то женщина показалась на пороге кухни. На вид лет ей было примерно столько же, сколько мистеру Спратту, но габаритами она превосходила его вдвое. Грязные светлые волосы падали женщине на глаза. На ее футболке в стиле раннего Барака Обамы был изображен портрет какого-то мужчины, под которым красовалось слово «ПРАВДА». Дакуорту потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это Эдвард Сноуден, в прошлом агент ЦРУ, обвинивший организацию, на которую работал, в нарушении прав человека.

- Что происходит? – спросила женщина.
 - Этот человек хочет поговорить с Элеонорой, – ответил Харви. – Он из полиции.
 - Из полиции? – мгновенно насторожилась и испугалась женщина.
- Дакуорт послал ей усталую улыбку.
- Вы состоите в родственной связи с миссис Бичем? – поинтересовался он.
 - С Элеонорой? Нет. Я прихожу сюда три раза в неделю, чтобы за ней присматривать.
 - Вы сиделка?

Женщина отрицательно покачала головой:

– Я вроде как помощница. Я хорошо отношусь к Элеоноре. Забочусь о ней, убираю дом, готовлю Элеоноре еду, купаю ее и все такое.

Дакуорт бросил взгляд в сторону кухни и увидел, что на столе и в раковине полно грязной посуды.

- Как вас зовут?
- Норма.
- А фамилия? – Дакуорт невольно подивился тому, что второй раз подряд на его требование представиться называют только имя.
- Ластман.
- Ну что ж, Норма, рад с вами познакомиться. Мистер Спратт помогает вам выполнять ваши обязанности?
- Харви мой парень, – объяснила женщина. – Ну да, он мне подсобляет.

– С продажей спального гарнитура?

Женщина с опаской посмотрела на Харви.

– Вообще-то я не уверен, что гарнитур продается, – заюлил тот. – Мне надо еще раз поговорить на эту тему с Элеонорой.

– Именно этого и добиваюсь я – поговорить с ней, – напомнил Барри и указал в сторону двери. – Вы говорите, она там, внизу?

Харви кивнул.

Дакуорт открыл дверь и спустился по лестнице в плохо освещенное подвальное помещение с отделанными деревянными панелями стенами. В подвале пахло плесенью и мочой. Пол был покрыт коричневым, с истершимся ворсом ковром времен, вероятно, администрации Рейгана. В помещении работал черно-белый телевизор, на экране Джон Уэйн куда-то скакал на лошади.

Элеонора Бичем сидела в глубоком кресле с откидывающейся спинкой, обитом клетчатой тканью. Ее вытянутые вперед ноги были укрыты шерстяным розовым одеялом. На вид женщине было далеко за восемьдесят. У нее было бледное, морщинистое лицо, редкие седые волосы торчали во все стороны. Между ее бедром и подлокотником кресла оказались втиснуты упаковка бумажных носовых платков, пульт от телевизора, чековая книжка, щетка для волос и мешочек с шоколадными батончиками «Мини-Марс», которые обычно дарят детишкам на Хэллоуин.

– Миссис Бичем! – окликнул ее Дакуорт.

Женщина медленно повернула голову в сторону детектива и посмотрела на него, после чего сказала:

– Смотрите-ка, кто к нам явился.

Дакуорт заметил, что к ее зубам прилипли остатки шоколада.

– Мы знакомы? – спросил он.

– Я так не думаю.

– Но вы меня узнали?

– Нет.

Улыбнувшись, Дакуорт показал женщине свой жетон.

– Я детектив Барри Дакуорт из полиции Промис-Фоллз, – сообщил он и присел на диван, стоящий под прямым углом к креслу, в котором находилась Элеонора Бичем.

– Рада с вами познакомиться. Вам нравится Джон Уэйн?

– Конечно. Он был одним из величайших актеров всех времен.

– Что значит – был? Он что, умер?

Дакуорт терпеть не мог приносить людям плохие новости.

– Боюсь, что так. И уже давно.

– О, как жаль. – Старуха скорбно покачала головой. – Уйти таким молодым...

– Увы, такое случается. Вы не могли бы сделать звук потише, чтобы я мог задать вам пару вопросов?

Старуха нащупала пульт, направила его на телевизор и убавила громкость.

– Что вам надо?

– Я хочу расспросить вас о ваших соседях, которые живут на другой стороне улицы.

Элеонора Бичем подняла бровь.

– А что с ними такое?

– Собственно, я хотел бы поговорить с вами о Брайане. Брайане Гаффни.

На лице старухи появилась презрительная гримаса.

– Этот простофиля? И что же он еще натворил?

– Когда вы видели его в последний раз?

Старуха задумалась.

– На днях я видела, как его отец учил его кататься на велосипеде. У парня быстро начало получаться.

– Понимаю, – терпеливо покивал Дакуорт. – Но это, по всей видимости, было много лет назад, когда Брайан был еще совсем мальчишкой.

Элеонора Бичем уставилась на детектива водянистыми глазами в ожидании следующего вопроса. В это время Дакуорт услышал позади себя пыхтение. Обернувшись, он увидел Норму Ластман, появившуюся на верхней площадке лестницы.

– У нас частная беседа, – твердо сказал он и прежде, чем продолжать, дождался, пока женщина ушла и прикрыла за собой дверь в подвал. – А вы помните то время, когда он еще только начал водить машину? Кажется, тогда случилась неприятность с вашей собакой.

– С Шоном? – старуха просияла.

– Да, с Шоном.

На лице Элеоноры Бичем появилось умильное выражение.

– Это был самый замечательный на свете пес. Такой умница!

– Понимаю.

– Представляете, мой муж мог сказать ему: «Ну-ка, найди мои тапочки». И Шон принес их ему. Он был хорошей собакой. Знаете, он все время вылизывал себя. Муж говорил, что завидует его гибкости.

– Вы помните, что случилось с Шоном?

– Тупой ублюдок задавил его машиной.

– Под тупым ублюдком вы, вероятно, подразумеваете Брайана.

Элеонора Бичем вытянула руку, указывая, видимо, в сторону дома Гаффни. Дакуорт отметил про себя, что, хотя в подвале не было окон, старуха практически не ошиблась в направлении.

– Они все ублюдки, эти Гаффни.

– Вы с ними не ладите?

Старуха пожала плечами:

– В последнее время они ведут себя не так уж плохо, но старший из них – просто недоумок, а его жена – настоящая сука.

– Их зовут Альберт и Констанс, – подсказал Дакуорт.

– А еще у них есть шлюха-дочка. Забыла, как ее зовут.

– Моника.

– Точно. – Старуха посмотрела на экран телевизора, где продолжал совершать подвиги Джон Уэйн. – Я и забыла, что он умер. Он мог бы стать хорошим президентом. Куда лучше, чем Рейган.

– Вероятно, вы были очень сердиты на Брайана, когда он задавил вашу собаку.

– Ага. Но я им за это сразу же отомстила.

– И как же вы это сделали?

Старуха хитро улыбнулась:

– Этого я не могу вам сказать.

– Почему?

– Потому что вы можете меня арестовать.

– И все же, почему бы вам не рассказать мне?

– Если вы меня арестуете, я откажусь от своих слов. Ну что, по рукам?

– Конечно.

– Поздно ночью я пробралась на их участок и проколола им шины.

Элеонора Бичем гордо улыбнулась, обнажив карамельного цвета зубы.

– Понятно, – сказал Дакуорт. – И Гаффни не обвинили в этом вас?

Старуха покачала головой:

– Они ничего не сказали. Они не смогли бы ничего доказать.

– Возможно, вы правы. – Дакуорт чуть наклонился вперед. – А недавно вы ничего такого не делали? Есть вещи, которые трудно простить или забыть, даже если прошло много лет.

– Это правда, – кивнула миссис Бичем.

Разумеется, Дакуорт понимал, что сидящая рядом с ним старая женщина не могла похитить Брайана Гаффни, продержав его в плену двое суток и сделать ему на спине татуировку. Но это вовсе не означало, что кто-нибудь не мог сделать это по ее просьбе.

– Миссис Бичем, у вас есть дети? Кто-нибудь, кто мог бы тоже злиться на Брайана из-за собаки?

– У меня никогда не было детей. – Элеонора понизила голос до шепота. – Мистер Бичем, то есть Лайл, стрелял только холостыми – если вы понимаете, о чем я.

– Ясно. Значит, нет никого, кто мог бы сильно расстраиваться из-за того, что случилось с Шоном.

– Больше всех был расстроен сам Шон.

Миссис Бичем снова показала в улыбке желто-коричневые зубы.

– Кстати, почему вы назвали собаку Шоном? – поинтересовался детектив. – Все-таки это не совсем обычное имя для пса.

– Мы назвали его так в честь моего брата.

– Вашего брата?

– Ну да. Шона Сэмюэля Ластмана, упокой, Господи, его душу. Наверное, это странный способ почтить его память, но, в конце концов, почему нет? Как смогли, так и почтили.

– А что случилось с вашим братом?

– Он погиб около тридцати лет тому назад. Чинил крышу дома и упал оттуда.

Дакуорт подумал о женщине наверху.

– Послушайте, я только что разговаривал с Нормой. Она приходится вам родственницей? Глаза Элеоноры сверкнули.

– Знаете, удивительное дело. Норма начала помогать мне пару лет назад. Мы с ней много разговаривали, я рассказала ей о брате. Так вот, представьте, оказалось, что мой брат Шон – ее отец.

– Выходит, Норма – ваша племянница?

Миссис Бичем кивнула:

– Как тесен мир, верно? Она много лет понятия не имела, что он ее отец. У Шона была какая-то девица, которую он соблазнил. Жениться он на ней не женился, а когда он погиб, Норме было всего четыре года от роду. Мать Нормы рассказала ей, кто был ее настоящим отцом, лишь незадолго до своей смерти.

– В самом деле, удивительно, – хмыкнул Дакуорт. – А что насчет Харви?

Миссис Бичем сморщила нос:

– Он приятель Нормы. Вообще-то он ни на что особо не годен, но тоже помогает. – Старуха похлопала ладонью по чековой книжке у своего бедра. – Он приводит дом в порядок на случай, если я решу его продать. Здесь нужно поменять трубы, и к тому же он обнаружил, что что-то не так с отоплением. А почему вы обо всем этом меня спрашиваете?

– Дело в том, что с Брайаном Гаффни произошла неприятность.

– Это не удивительно. Он всегда был простоват. Нет, не глупым – скорее каким-то наивным. – Старуха посмотрела на экран телевизора. – Вы закончили? Я бы хотела досмотреть этот фильм.

– Да, конечно, – ответил Дакуорт, вставая. – Спасибо, что уделите мне время.

Детектив направился к двери, ведущей на лестницу. Когда он открыл ее, оказалось, что Харви и Норма стоят вплотную к ней.

– Ну что, расслышали что-нибудь? – поинтересовался Дакуорт.

– Я просто хотела удостовериться, что с Элеонорой все в порядке, – сказала Норма, заламывая руки. – О чем вы с ней говорили?

– Так, кое о чем.

– Она несет всякую чушь, – заявила Норма.

– Да, она совершенно не в себе, – добавил Харви.

Дакуорт внимательно оглядел обоих.

– Кто-нибудь из вас знает Брайана Гаффни? – поинтересовался он.

– Никогда о нем не слышал, – ответил Харви.

– И я тоже, – подхватила Норма.

Детектив перевел взгляд на нее.

– Ваша тетка живет здесь уже давно. И вы ни разу не слышали про Гаффни? Их дом находится на другой стороне улицы – как раз напротив.

– Никогда, – усиленно заморгала Норма. – Ни разочка.

– А про Шона? Кому-нибудь из вас знаком человек с таким именем?

Норма и Харви переглянулись и отрицательно покачали головами.

– Это смешно, – сказал Дакуорт.

– Почему смешно? – не поняла женщина.

– Потому что так звали вашего отца. Разве я не прав?

Норма округлила рот от неожиданности.

– О! – воскликнула она. – Ну да, это правда. Но я думала, вы имеете в виду кого-то другого.

Дакуорт еще некоторое время молча смотрел на Харви и Норму, после чего кивнул и сказал:

– Хорошего вам дня, ребята.

Идя к своей машине, он быстро сфотографировал на телефон номер на заднем бампере минивэна.

Глава 7

Кэл

– Вы поможете нам? В самом деле? – переспросила Глория Пилфорд, снова наполняя бокал вином.

– Я оценю вашу ситуацию. – Произнеся эту фразу, я объяснил, сколько это будет стоить в день.

Глория беспомощно взглянула на Боба и Мэдэлайн, пытаясь понять, кто из них готов взять расходы на себя.

– Хорошо, – сказала ее тетка. – Мистер Уивер, я выпишу вам чек за пять дней.

– Мэдэлайн, я могу решить этот вопрос, – подал голос Боб.

– Нет, – произнесла Мэдэлайн Плимптон тоном, не терпящим возражений. – Вы и так сделали более чем достаточно. Услуги мистера Финча, должно быть, обошлись вам в целое состояние.

Боб не стал спорить. Мисс Плимптон открыла выдвижной ящик стола, достала чековую книжку, проставила на ней сумму и подпись, оторвала чек и вручила мне. Я не глядя сунул его в бумажник.

– Ладно, – сказал я. – Начнем с того, что выясним, каково положение на данный момент.

Мэдэлайн Плимптон села на свободный стул рядом с Бобом Батлером. Глория осталась стоять у холодильника.

– Сколько людей знают, что Джереми находится здесь, а не в Олбани? – поинтересовался я.

– Я не говорила об этом ни одной живой душе, – ответила мисс Плимптон. – Кроме вас.

– И я тоже, – подхватил Батлер.

Глория как раз в этот момент занялась пристраиванием обратно в холодильник почти пустой бутылки вина и потому повернулась к нам спиной.

– Мисс Пилфорд! – окликнул я ее.

– Простите?

– Глория, ответьте на заданный вопрос, – потребовала мисс Плимптон.

Закрыв дверцу холодильника, Глория медленно обернулась:

– Я никому не говорила. Во всяком случае, конкретным людям.

– Что это значит? – не понял я.

Глория опустила глаза, словно ребенок, которого застали лезущим в банку с вареньем.

– Я, кажется, что-то запостила.

– Что именно? – осведомился я.

– Я написала, что это замечательно – покинуть Олбани и насладиться миром и покоем.

Я пошевелил пальцами, тем самым дав знак Мэдэлайн Плимптон, которая находилась ближе всех к ноутбуку. Поняв меня, она потянулась к портативному компьютеру.

– Попробуйте найти это сообщение, – попросил я.

– Я сама, – сказала Глория, пересекая кухню и забирая ноутбук у своей родственницы.

Открыв крышку, она пробежалась пальцами по клавиатуре. – Вот. Я ничего конкретного не сообщила.

Взяв у нее компьютер, я изучил последние посты.

– Скажите мне еще раз, когда вы сюда приехали, – обратился я к Глории.

– Они провели здесь уже четыре ночи, – ответила за племянницу Мэдэлайн Плимpton, даже не пытаясь скрыть усталую безнадежность в голосе.

Я проверил, какие посты размещала на своей страничке в Фейсбуке Глория в течение последней недели. В прошлую пятницу она написала: *«В мире так много ненависти. Люди должны перестать ненавидеть и начать понимать»*. Эти слова вызвали сотни лайков и около шестидесяти комментариев. Кто-то высказывался в поддержку автора изречения, кто-то наоборот. Проглядывая комментарии, я убедился, что процентов восемьдесят из них были негативными. Вот один из них, весьма типичный: *«А некоторым мамашам не мешало бы начать учить своих детишек не сбивать людей машинами»*.

На следующий день Глория написала: *«Как хорошо будет уехать из города. И отправиться туда, где тебя всегда примут»*.

Не могу назвать себя знатоком поэзии, но даже я узнал строку Роберта Фроста из стихотворения о возвращении домой.

– Вот это, например, – я указал на экран, – ясно говорит всем о том, что вы намерены отправиться в родной город.

– Но я ведь не называю его, – возразила Глория.

Вместо ответа я забил в поисковую строку фразу «Откуда родом Глория Пилфорд, мать Большого Ребенка» и нажал на клавишу Enter.

Из высветившихся ответов на запрос сразу же стало ясно, что Глорию воспитала ее родственница Мэдэлайн Плимpton, проживающая в Промис-Фоллз. Там же говорилось о том, что сто или более лет назад именно Плимptonы основали город, что когда-то они владели местной дубильней, а затем, через много лет, создали первую городскую газету. В статье упоминалось также о том, что Мэдэлайн Плимpton неоднократно бывала в зале суда во время процесса по делу Джереми.

– Вот, – сказал я. – Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, куда именно вы отправились. А адрес мисс Плимpton, вне всякого сомнения, легко найти в Интернете.

– Боже, Глория, – насмешливо произнес Боб. – Это же все равно что нанять самолет, который с помощью цветных дымовых шашек написал бы в небесах, где именно тебя следует искать.

Мэдэлайн Плимpton закрыла лицо ладонями.

– Вы забанены, – заявил я.

– Я что? – не поняла Глория.

– Если вы не можете удержаться от размещения постов в соцсетях, я запрещаю вам пользоваться компьютером, телефоном и любыми другими электронными устройствами. Вы сами подставляетесь и подвергаете себя опасности.

Глория закусила нижнюю губу и отвернулась, но через несколько секунд снова посмотрела на меня.

– Вы не понимаете, – заговорила она, положив руки на компьютер. – Вы не знаете, через что мне пришлось пройти. Меня сделали всеобщим посмешищем. Для всех на свете я – нерадивая мать, которая не смогла научить своего ребенка понимать, что хорошо, а что плохо. Да, это сработало. В результате Джереми не посадили в тюрьму. И это главное. – По щекам Глории потекли слезы. – Но я дорого заплатила за это. А теперь вы хотите запретить мне рассказывать миру, что я не тот человек, за которого меня принимают.

Тирада Глории несколько не тронула мисс Плимpton, которая пересекла комнату, закрыла крышку ноутбука и, взяв его в руки, сунула под мышку.

– Дай мне твой телефон, дорогая, – обратился к Глории Боб. Она бросила на него такой взгляд, словно он только что попросил ее отдать свою почку.

– Это унижительно, – произнесла она. – Вы все не имеете права так поступать!

– Я не смогу защитить Джереми, если из этого дома будет происходить утечка информации, – заметил я.

– Вы считаете меня способной сделать что-то, что повредило бы моему сыну? – осведомилась Глория.

– Неумышленно, сами того не желая, – пояснил я. – Ваши посты в самом деле опасны. Даже если вы в них не сообщаете ничего важного, люди, читающие их, понимают, где находится ваш сын, когда вы их размещаете.

– Ну же, Глория, дай мне твой телефон, – повторил Боб.

– Но он нужен мне на случай *экстренных* обстоятельств, – продолжила сопротивление Глория Пилфорд. – Тебе ведь нужен телефон, Боб, чтобы заключать сделки!

– Это другое, дорогая. Если я не буду заключать сделки, я перестану зарабатывать деньги. А как бы я оплатил защиту твоего сына в суде, не имея средств?

– Мне понравилось, как ты это сказал. *Моего* сына.

– Но ведь он в самом деле твой сын. Полагаю, тот факт, что я помог ему, хотя он не мой ребенок, свидетельствует как раз о том, как много ты для меня значишь.

– Да, конечно, ты настоящий герой. – Губы Глории растянулись в язвительной усмешке. – Ты такой заботливый.

– Телефон, – напомнил Боб.

– Я не знаю, где он, – сказала Глория с неуверенным видом.

– Боже правый, да вот же он! – Боб протянул руку к декоративной вазе, стоявшей на столе.

Глория попыталась опередить его, но не успела. Корпус аппарата был розовым в белый горошек. Боб сунул телефон во внутренний карман своего спортивного пиджака.

– Это далеко не все, – произнес я, думая о том, что предпочел бы сам хранить телефон Глории. – Есть еще мобильный Джереми. Полагаю, что когда он не играет на нем в игры, то переписывается со своими друзьями. В этой переписке он также может сообщить о себе лишнее.

Глория презрительно рассмеялась:

– Что ж, давайте, отнимите телефон и у него.

Снова открыв дверцу холодильника, она достала недопитую бутылку с вином.

– Глория, угомонись, – посоветовала мисс Плимптон.

– Все в порядке, Мэдэлайн. – Глория слегка приподняла бутылку, словно демонстрируя ее родственнице. – Это единственное, что меня хоть немного успокаивает. Всем вам наплевать на то, что я...

В это время раздался звон разбитого стекла. Глория и Мэдэлайн вскрикнули. Мы с Бобом быстро переглянулись. Звук явно исходил со стороны фасада дома. Я бегом бросился в холл. По мраморному полу были разбросаны осколки, среди которых я сразу увидел камень размером с кулак. По обе стороны от входной двери располагались два узких, но высоких, от пола до потолка, окна. Камень угодил в то, которое находилось слева.

Распахнув дверь, я увидел длинноволосого молодого человека лет двадцати, бегущего к машине, которая стояла с включенным двигателем у обочины. Это был синий фургон. Его сдвижная дверь с пассажирской стороны оказалась открыта.

Прежде чем нырнуть внутрь, молодой человек оглянулся и выкрикнул:

– Вот тебе, проклятый Большой Ребенок!

Забравшись в салон автомобиля, парень захлопнул дверь. Машина взвизгнула покрышками и сорвалась с места. Я бросился бежать следом, но разглядеть задний номер не смог – через какие-то секунды фургон свернул за угол и исчез. Машина была старая и, скорее всего, сошла с конвейера «Дженерал моторс» – таких в каждом из окрестных городов имелось добрых сто тысяч штук, не меньше. Что касается типа, швырнувшего в окно камень, то я успел разглядеть, что он белый, с волосами до плеч и весит порядка ста восьмидесяти фунтов. Одет

он был в джинсы и синюю футболку. Вряд ли подобное описание могло оказаться полезным для полиции. Вернувшись в дом, я застал в холле Глорию, Мэдэлайн и Боба Батлера.

– Кто это был? – спросила мисс Плимптон. – Вы их видели?

– Только мельком, – ответил я.

Меня поразило не столько случившееся, сколько то, что даже шум, крики и звон стекла не заставили Джереми покинуть веранду. Даже если бы он заткнул уши ватой, все равно не мог бы не услышать, что в доме явно произошло нечто из ряда вон выходящее.

Пройдя через весь дом, я вышел на веранду. Дверь с проволочной сеткой, ведущая на задний двор, была полуоткрыта.

Джереми на веранде не оказалось.

Глава 8

Барри Дакуорт сел в свою машину и покатил в бар «У Рыцаря», который находился всего в пяти минутах езды. По дороге ему пришлось плестись следом за синим «Фордом Эксплорер» с номерами штата Мэн, водитель которого вел себя крайне неуверенно. Задние тормозные огни то вспыхивали ярко-рубиновым светом, то гасли. Было очевидно, что тот, кто сидел за рулем, заблудился.

Когда «Форд» остановился перед светофором, Дакуорт затормозил рядом и жестом попросил водителя опустить боковое стекло. Когда тот выполнил его просьбу, детектив увидел сидящего за рулем мужчину лет сорока, а рядом с ним, на пассажирском сиденье, женщину.

– Вы что, сбились с дороги? – спросил Дакуорт.

– Вы не знаете, как проехать к парку, где находится водопад? – поинтересовался мужчина. – Мы с женой ищем место, где была убита Оливия Фишер.

Женщина показала Дакуорту клочок бумаги, похожий на газетную вырезку.

– Мы объезжаем все места, так или иначе связанные с массовым убийством, которое произошло в городе в прошлом году, – пояснила она.

Мужчина, сидящий за рулем, улыбнулся:

– Мы просто обожаем посещать места преступлений. Наверное, мы ненормальные. Так вы знаете, как туда проехать?

– На этом перекрестке поверните направо, на следующем еще раз направо, а потом ежайте прямо, – ответил Дакуорт.

На лице водителя появилось недоуменное выражение.

– А разве мы не попадем так на дорогу, ведущую обратно в Олбани? – осведомился он.

– Ну да, – кивнул Барри. Затем поднял стекло, снял ногу с педали тормоза и тронул машину с места.

Детектив припарковался в полуквартале от бара «У Рыцаря». Перед тем как отправиться в заведение, он осмотрел переулок рядом со зданием. Последним, что запомнил Брайан Гаффни, прежде чем отключиться на двое суток, являлось именно это место. Переулок был узкий, не шире шести футов, поэтому места с трудом хватало, чтобы протиснуться мимо выстроившихся в ряд мусорных баков. Выходил он на небольшую автомобильную стоянку.

Дакуорт прошел по переулку от его начала до самого конца, внимательно глядя на выщербленный асфальт. Ничто не привлекло его внимания, да он и не мог бы определенно сказать, что именно ищет. Затем он посмотрел вверх в надежде увидеть где-нибудь на стене камеру наблюдения – но, увы, не обнаружил ни одной.

Затем детектив вернулся на главную улицу. Было начало мая. Прошел уже почти год с момента тех страшных событий, которые произошли в Промис-Фоллиз и в результате которых погибли многие его жители. Городские власти собирались в скором времени провести специальное мероприятие в память о них – Дакуорта пригласили на него в качестве почетного гостя. Он, однако, не имел ни малейшего желания в нем участвовать.

Потянув на себя дверь бара, детектив вошел внутрь и подумал, что было бы несправедливо назвать заведение «У Рыцаря» забегаловкой. Оно оказалось пусть не роскошным, но все же вполне приличным баром. В нем имелись все обязательные внешние атрибуты – неоновая реклама безалкогольного «Будвайзера», темного пива «Микелоб» и виски «Джек Дэниэлс», беспорядочно разбросанные по залу круглые столики, отдельные кабинки с правой стороны, высокая барная стойка слева от входа, полки, плотно заставленные разнообразными бутылками. У стойки на высоких стульях сидело человек шесть посетителей, смотревших по телевизору, подвешенному у потолка, бейсбольный матч.

Зал был заполнен примерно наполовину, и Дакуорт не сомневался, что с окончанием рабочего дня народу в нем еще прибавится. В заведении «У Рыцаря» гостей потчевали не только спиртным. Четверо работников, расположившиеся в специальном киоске, жарили куриные крылышки. Запах жареной курятины и горячего жира защекотал ноздри Дакуорта, и он почувствовал, что сильно проголодался.

И вспомнил, что куриные крылышки обычно подают с сельдереем или морковью. При желании, сказал он себе, такое блюдо с натяжкой можно было отнести к сбалансированным. Однако Барри прекрасно знал, что к его возвращению домой Морин обязательно приготовит что-нибудь на обед – нечто такое, что не будет истекать подгоревшим жиром и плавать в остром соусе.

Будь сильным, приказал он себе.

Оглядевшись, он увидел то, что ему понравилось: в отличие от переулка, на стенах бара камеры наблюдения были. Бармен за стойкой, худощавый мужчина лет тридцати в джинсах и рубашке с закатанными до локтя рукавами, протирал белым полотенцем бокалы.

– Что вам налить? – спросил он Дакуорта.

– Пока ничего. Я бы хотел задать вам несколько вопросов, – сообщил детектив, демонстрируя полицейский значок. – Как вас зовут?

– Аксель. Аксель Тэрнстон. – Бармен, прищурившись, метнул цепкий взгляд на значок, который Барри тут же убрал обратно в карман. – Боже, это же вы!

– Простите, не понял?

– Мне знакомо ваше имя. Это вы поймали того типа. Господи, ну конечно, это сделали вы!

Дакуорт молча кивнул.

– Так чего вам все-таки налить?

– Ничего не надо, серьезно.

– Да ладно вам. Что вы любите? Выпейте за счет заведения. Может быть, скотч? Это лучший из всех напитков. У меня есть «Спиберн», «Макаллан», «Гленморанж» и еще...

– Я серьезно, ничего не нужно. Вы очень любезны, но я ведь на службе, понимаете?

Аксель весело ухмыльнулся:

– Конечно, понимаю. Еще как понимаю. Так, может, хлопнете не виски, а чего-то другого?

– С удовольствием выпью стакан воды.

Аксель громко рассмеялся:

– Стакан воды! Вот умора! Вы ведь шутите, верно?

Дакуорт не сразу понял, что так развеселило бармена. И только через несколько секунд до него дошло: Аксель Тэрнстон подумал, что он намекает на прошлогоднюю трагедию, когда городские запасы питьевой воды оказались отравлены.

– Ну да, шучу, – отозвался детектив, не желая развивать эту тему.

– Дайте я налью вам бутилированной, – сказал Аксель и, сунув руку под прилавок, достал оттуда бутылку «Финли Спрингс». – Эта пойдет?

– Конечно, – кивнул Дакуорт. – Это моя любимая.

Аксель взял со стойки стакан, бросил в него лед, вскрыл бутылку и наполнил стакан водой.

– Ну, так что случилось? – Бармен оперся локтями на стойку и приготовился слушать. – Чем я могу вам помочь?

Дакуорт достал свой телефон и показал Акселю фотографию Брайана Гаффни, сделанную в больнице.

– Вы его узнаете?

– Само собой, – ответил Аксель. – Это Брайан.

– Вы с ним знакомы?
– Конечно. Он постоянно сюда ходит. Его зовут Брайан Гаффни. Он работает на автомойке. – Лицо бармена выразило беспокойство. – Надеюсь, с ним все в порядке? Или с ним что-то стряслось?

Дакуорт отложил телефон в сторону.

– Похоже, пару дней назад сразу после того, как он ушел отсюда, кто-то на него напал.

– Но почему я про это ничего не слышал? – удивился Аксель. – Копы к нам не заходили.

Насколько я знаю, никаких происшествий у нас тут не было.

Дакуорт с пониманием качнул головой:

– Дело довольно запутанное. Брайан привлек наше внимание только сегодня.

– Но он в порядке? Вообще-то он хороший парень, если хотите знать. Из тех, кто мухи не обидит. Иной раз даже кажется, что он нуждается в защите.

– Что вы имеете в виду?

Аксель пожал плечами:

– Уж очень он доверчивый. Обмануть его или втянуть во что-то нехорошее – раз плюнуть.

Так он в порядке?

– Да. Но мне хотелось бы установить все его передвижения в течение последних сорока восьми часов. Вы работали двое суток назад?

– Ну да. – Аксель кивнул. – Работал. Брайан сидел как раз на том месте, где сейчас сидите вы.

– Когда он пришел?

– Кажется, часов в восемь. Пробыл здесь час или два. Он обычно заходит сюда раз в два дня, когда заканчивается его смена на работе.

– И давно так?

Аксель снова кивнул:

– Он, знаете ли, любит поговорить. Его интересуют странные вещи – особенно всякие теории заговора. Ну, например, кто стоял за терактом одиннадцатого сентября. Или, скажем, правда ли то, что высадка на Луну была фальшивкой, спектаклем. Ну, или действительно ли египетские пирамиды построили пришельцы из космоса. В общем, всякое такое.

– А НЛЮ его тоже интересуют? – спросил Дакуорт.

– Ну да, и они тоже. Правда, иногда он говорил про свою семью – про отца в частности.

– Про Альберта Гаффни?

– Ну да, только я не знаю, как его зовут. Брайан рассказывал, что стал жить отдельно, поскольку отец заявил, что ему пора становиться самостоятельным. Вообще-то я думаю, что если бы не это, Брайан так и жил бы с родителями до самой старости. Мне кажется, в их доме он чувствовал себя в относительной безопасности. Но, насколько я понимаю, он неплохо приспособился к своему новому положению.

– Скажите, а вы не видели – кто-нибудь с ним разговаривал в тот вечер, когда он куда-то исчез на двое суток? Может, кто-то за ним наблюдал?

Бармен отрицательно покачал головой:

– Нет, не видел. Обычно Брайан сидит вон там – пьет свое пиво и смотрит футбол или бейсбол по телевизору.

Дакуорт указал в сторону камеры наблюдения, укрепленной на стене почти под самым потолком:

– А эта штука работает?

Аксель проследил за его взглядом:

– А, ну да. Скорее всего.

– У вас есть видеозапись происходившего в интересующий меня вечер?

– Должна быть. Система хранит сделанные записи неделю или около того. Эти камеры – полезная вещь на случай, если случится нечто необыкновенное. Владелец утверждает, что эта штука прикроет и наши задницы, если кто-то попытается подать на нас в суд за то, чего не было.

– Мне нужно посмотреть записи, сделанные две ночи назад. Это возможно?

– Конечно, – ответил Алекс. – Но мне потребуется компьютер, а он в офисе. И еще мне надо согласовать все с владельцем заведения. Но я думаю, когда он узнает, что это вы хотите ознакомиться с видеозаписью, он прикажет мне выполнить все ваши просьбы и при этом быть предельно любезным. И знаете, почему?

Дакуорт промолчал в ожидании ответа. Аксель наклонился к стойке и тихо произнес:

– Его сестра была одной из тех, кто умер из-за отравленной воды.

– Мне очень жаль.

– Будь он сейчас здесь, он предложил бы вам бесплатную выпивку на всю оставшуюся жизнь.

Дакуорт печально улыбнулся и сказал:

– Давайте лучше вернемся к делу.

Аксель подозвал официантку и попросил ее постоять за стойкой. Затем провел Дакуорта через заднюю дверь в кухню, где у детектива слегка закружилась голова от запаха жарящихся куриных крылышек, а оттуда – в кабинет, стены которого были обшиты деревянными панелями. В кабинете царил беспорядок. Посередине помещения стоял стол. На нем Барри увидел портативный компьютер.

Аксель плюхнулся на стул, открыл крышку компьютера и забарабанил пальцами по клавиатуре.

– Так, значит, два вечера назад... помнится, Брайан пришел около восьми. Вот, здесь у нас без четверти восемь.

Дакуорт, подойдя к Акселю, взглянул на экран через его плечо.

– Давайте поменяемся местами, – предложил бармен, вставая со стула.

Дакуорт сел, и Аксель принялся подсказывать ему, что делать дальше:

– Поставьте курсор вот сюда... да, верно. А теперь вы можете прокручивать запись вперед или назад – на любой скорости.

– Так, кажется, понял, – сказал Дакуорт. Таймер в углу монитора показывал 19:48. Камера захватывала почти все помещение бара, включая отдельные кабинки в дальнем конце зала. В одной из них ужинала пара – мужчина и женщина сидели за столом рядом друг с другом, а не напротив, как обычно. Они склонились друг к другу и, как видно, беседовали о чем-то, время от времени целуясь. Второй диванчик пустовал.

Алекс с улыбкой указал на него пальцем:

– Здесь мог бы разместиться кто-нибудь еще.

В 7:51 в бар вошел молодой человек.

– Так, внимание, – сказал Дакуорт.

Молодой человек прошел к дальнему концу барной стойки и взгромоздился на высокий табурет – но не на тот, на котором еще несколько минут назад сидел Барри.

– Нет, – произнес Аксель.

– Что вы имеете в виду?

– Это не Брайан.

Дакуорт приблизил лицо к монитору. Изображение было слегка размытым, но он в самом деле мог совершенно определенно сказать, что молодой мужчина за стойкой не был Брайаном Гаффни. Однако он был одного с ним роста, имел такую же прическу и, как и Брайан, был одет в джинсы и темную рубашку.

– На первый взгляд они похожи и одеты почти одинаково, – пробормотал над ухом у детектива Алекс. – Извините, что изображение не очень четкое. Оборудование у нас не из лучших. Смотрите, а вот и Брайан.

Бармен был прав. В помещении появился Брайан Гаффни. Подойдя к стойке, он уселся на тот же самый табурет, с которого совсем недавно встал Дакуорт. Молодой Гаффни поднял руку. Аксель на экране подошел к нему, перебрался парой фраз и налил ему порцию пива.

– Вы помните, о чем вы говорили с Брайаном в тот момент?

– Да ни о чем особенном. Так, обычный треп. Как дела, как прошел день. Ничего такого.

– Каким он вам показался?

– Показался?

– В смысле, он себя вел как обычно? Или был чем-нибудь взволнован?

– Да нет. Старина Брайан был таким же, как всегда.

Дакуорт стал проматывать запись вперед, но не слишком быстро, чтобы не упустить какие-то важные детали в поведении Брайана. В 20:39 мимо молодого Гаффни прошел невысокий, лысеющий мужчина и дружески хлопнул его по плечу. Брайан, до этого смотревший в стакан с пивом, поднял голову и показал мужчине два поднятых вверх больших пальца.

– Кто это? – поинтересовался Дакуорт.

– Это Эрни, – ответил Аксель. – Фамилию не помню. Один из завсегдатаев. Иногда они с Брайаном вместе выпивают по кружке пива и болтают о том о сем.

Дакуорт видел, как Аксель еще дважды наливал Брайану пиво. Бармен постоянно двигался, обслуживая клиентов за стойкой. Официантка разносила напитки тем посетителям, которые сидели за столиками и в кабинках.

Аксель указал на мужчину и женщину, расположившихся отдельно. Они в этот момент в очередной раз увлеченно целовались.

– Разве это не прекрасно? – сказал бармен.

Внимание Дакуорта, однако, было приковано к молодому парню, сидевшему у стойки, – тому самому, который имел определенное сходство с Брайаном.

– А этого как зовут?

– Не помню. Но я проверил у него документы, чтобы убедиться, что он совершеннолетний. Платил он наличными. А что?

– Да нет, ничего, просто спросил. Так, внимание!

Брайан в этот момент положил на стойку несколько купюр. Аксель подошел к нему и пожал руку. После этого Брайан соскользнул с табурета, двинулся куда-то влево и исчез из зоны видимости.

– Куда он пошел? – спросил Дакуорт. – Он что, вышел из бара через заднюю дверь?

– Он просто отправился отлить перед уходом.

В самом деле, девяносто секунд спустя Брайан снова возник в кадре, пересек помещение бара и снова исчез – на этот раз где-то справа от объектива.

Дакуорт записал время ухода Брайана – молодой Гаффни покинул бар «У Рыцаря» в 21:32. К этому времени на улице уже было темно. Если в переулке его кто-то окликнул, Брайан почти наверняка не смог бы рассмотреть этого человека.

– Похоже, это все, – сказал Аксель.

Дакуорт, однако, решил понаблюдать за происходящим в баре еще несколько минут, рассчитывая на то, что Брайан может ненадолго вернуться. Или... Стоп!

Парочка, которая обнималась в отдельной кабинке, выскользнула в зал. Мужчина положил на стойку банкноты и счет, после чего вместе с подругой направился к выходу. Женщина шла впереди.

Камера не позволяла как следует рассмотреть их лица, когда они сидели в кабинке, но теперь их стало видно достаточно отчетливо. Дакуорт нажал на паузу, наклонился к монитору и прищурился, вглядываясь в застывшее изображение.

– Ну что, вы их узнали? – спросил Аксель.

– Нет.

– Если вам нужно знать, кто эти двое, я могу вам сказать. Во всяком случае, кто парень. Женщину я что-то не признаю. А вот ее приятель у нас бывает время от времени.

– Это все не важно, – отозвался Барри и, отодвинув от стола стул, встал. – Большое спасибо за помощь.

– Заходите в любое время. Для вас выпивка за счет заведения. Вы любите жареные куриные крылышки? У нас они лучшие в городе.

– Пахнут они действительно замечательно.

– Хотите, я дам вам порцию на дорожку?

– Нет, спасибо, не надо.

Выйдя из кабинета, Дакуорт снова пересек кухню и бар и, выбравшись на улицу, зашагал по тротуару. Барри думал о том, стоит ли рассказывать Морин о том, что теперь он знает, где Тревор провел по крайней мере один из недавних вечеров. И что у него, похоже, появилась подруга.

И еще Дакуорт размышлял о том, какие чувства будет испытывать, сидя напротив Тревоора за столом и расспрашивая сына о том, что он видел, когда вышел из бара.

Глава 9

Кэл

– Позвоните Джереми, – попросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Я бы с удовольствием это сделала, – отозвалась Глория, – но кое-кто забрал у меня мой телефон.

– О господи, – досадливо поморщился Боб, достал из кармана телефон Глории и протянул его хозяйке.

Глория Пилфорд набрала номер сына и поднесла аппарат к уху.

– Он не отвечает, – сообщила она после паузы.

– У вас есть функция, которая позволяет определить, где находится телефон человека, которому вы звоните? – поинтересовался я.

Глория отрицательно качнула головой и хотела положить телефон к себе в карман, но Боб протянул руку и требовательно произнес:

– Глория.

Глория бросила на него возмущенный взгляд, а затем резким движением сунула аппарат ему в ладонь. Потом посмотрела на меня и сказала:

– Я бы не стала слишком уж волноваться. Джереми иногда так делает.

– Исчезает неизвестно куда? – уточнил я.

Глория кивнула:

– Ему бывает нужно хлебнуть немного свежего воздуха, если можно так выразиться. Сбросить напряжение. Разве можно его за это винить, учитывая, через что ему пришлось пройти?

– Разве условный срок, который получил Джереми, не подразумевает, что он должен находиться под вашим постоянным контролем? – спросил я. – Насколько я понимаю, его не отправили в тюрьму в частности потому, что вы взяли на себя обязательство следить за всеми его передвижениями и точно знать, где он находится в каждый конкретный момент.

– В этом плане все было оговорено не слишком строго, – сообщил Боб. – Из-за угроз. Мы специально прояснили данный вопрос, прежде чем отправиться сюда из Олбани.

– Даже если вам разрешили привезти Джереми в Промис-Фоллз, разве его мать не должна постоянно находиться рядом с ним? – продолжал настаивать я.

– Ради всего святого, – поморщилась Глория. – Он ведь подросток. Как бы мы ни старались, время от времени ему удастся от нас ускользнуть. Но он всегда возвращается обратно.

– Надеюсь, вы не даете ему ключи от машины.

– Я же не идиотка, – пожалала плечами Глория.

– Пойми, Глория, – подал голос Боб, – если его застанут где-нибудь одного, без родственников, его бросят в камеру.

– В данном случае меня больше волнует его безопасность, – заметил я. – Только что кто-то швырнул в окно камень, а Джереми находится вне дома. Нам необходимо его найти.

Глория вдруг побледнела и поднесла ладонь ко рту.

– Господи, когда все это закончится, – прошептала она.

Я толкнул полуоткрытый проволочный экран и вышел в тщательно ухоженный задний двор дома Мэдэлайн Плимптон.

– Джереми! – громко крикнул я. – Джереми!

Глория последовала за мной и тоже принялась звать сына.

Участок, на котором стоял дом, располагался вплотную к лесу. Джереми вполне мог отправиться туда – или, наоборот, в центральную часть Промис-Фоллз. У меня вдруг мелькнула мысль, что молодой человек, возможно, решил над нами подшутить и прячется где-то в доме.

– Мисс Плимpton, – сказал я, – на всякий случай проверьте помещения наверху. Вдруг Джереми все еще здесь.

Хозяйка отправилась внутрь жилища. Через некоторое время мы услышали, как она зовет Джереми, обходя комнаты одну за другой. Я же, подойдя к краю участка, принялся вглядываться в деревья и кустарник на опушке леса. Впрочем, что-то подсказывало мне, что Джереми не слишком большой любитель природы. Глория в десяти футах позади меня продолжала выкрикивать имя сына:

– Джереми! Это вовсе не смешно!

– Куда он мог отправиться? – спросил я, не желая раньше времени говорить о том, что Джереми мог покинуть дом не по своей воле.

Глория беспомощно всплеснула руками:

– Клянусь, я не знаю! Может, в торговый центр, или в «Макдоналдс», или еще в какое-нибудь из подобных мест. – В ее глазах мелькнула паника. – Вы думаете, с ним могло что-то случиться?

– Причин так думать у меня нет, – ответил я. – Скорее всего, дело обстоит так, как говорите вы, – ему просто захотелось отдохнуть от всех нас на какое-то время. – Я осторожно положил руки на плечи Глории. – Уверен, мы его найдем.

Повернувшись, я отправился обратно в дом и едва не столкнулся с мисс Плимpton, которая отрицательно покачала головой – в доме молодого человека не было.

– Оставайтесь здесь, – произнес я, обращаясь ко всем. – Я объеду окрестности и постараюсь его найти.

Домашний телефон мисс Плимpton у меня был записан, так что в случае необходимости я мог позвонить в любой момент.

Пройдя через весь дом, я вышел на улицу через парадную дверь. Мэдэлайн Плимpton, окинув взглядом холл, где пол по-прежнему был усеян осколками стекла, сказала:

– Я вызову полицию.

– Как хотите. Но если вы это сделаете, через очень короткое время здесь начнется настоящий цирк, – предупредил я.

Мэдэлайн Плимpton принялась размышлять над моими словами. Я же, не теряя времени, сел за руль своей «Хонды Аккорд» и тронулся с места. Когда я доехал до конца улицы, передо мной встал выбор, куда свернуть – налево или направо. Дорога, ведущая налево, привела бы меня в пригород. Свернув направо, я вскоре оказался бы в одном из центральных районов. Для того чтобы добраться туда пешком, потребовалось бы двадцать минут, но можно было отправиться в центр и на автобусе.

Я свернул вправо.

Всего минут десять тому назад я видел Джереми на веранде, так что, по идее, он не мог уйти далеко. Продвигаясь вперед на малой скорости, я внимательно смотрел на обочину справа и слева. Впрочем, Джереми мог идти не вдоль дороги, а поодаль от нее, чтобы его труднее было заметить.

Доехав до перекрестка, я снова повернул направо. Вскоре я должен был добраться до торговых рядов и закусовых. Остановившись на светофоре, я принялся ждать разрешающего сигнала, барабанив пальцами по рулевому колесу. Внезапно через перекресток с визгом шин пронеслась на большой скорости красная «Миата», то есть «Мазда МХ-5», с опущенным откидным верхом.

– Вот сукин сын, – пробормотал я.

Однако я оказался не прав. За рулем сидела молодая женщина с длинными светлыми волосами. Рядом с ней на пассажирском сиденье я увидел размахивающего руками Джереми Пилфорда.

Как только загорелся зеленый свет, я резко свернул налево, подрезав пикап, двигавшийся в том же направлении. Его водитель раздраженно посигналил и показал мне поднятый вверх средний палец. «Миата» была ярдах в ста впереди. Нас с ней разделяли две машины, и это оказалось весьма кстати – мне не хотелось, чтобы меня заметили и началась гонка. Если бы девушка стала пытаться оторваться от меня, это вполне могло закончиться аварией и чьей-нибудь гибелью.

К счастью, она по крайней мере вела машину как вполне разумный человек, не желающий создавать проблемы ни себе, ни другим. Скорость не превышала и управляла автомобилем обеими руками – одна лежала на руле, другая на рычаге переключения передач. Перестраиваясь, девушка включала указатели поворота. Зато беспечность и неадекватность демонстрировал ее пассажир. Он продолжал беспорядочно размахивать руками, то и дело привставал на сиденье и наклонялся вправо так, что его голова высывалась далеко за пределы габаритов автомобиля.

Наконец «Миата» перестроилась в крайнюю правую полосу. Затем, не выключая поворотник, девушка съехала еще правее, к заведению, торгующему гамбургерами. Заведение являлось не сетевым – на вывеске было написано «Грин энд Фарб Бургерс энд Фрайз». Говорили, что свое название оно получило в честь двух человек, которые основали его еще в пятидесятые годы. Местные жители, впрочем, называли его «Гриз энд Фэт»¹, что, по идее, должно было нести негативную смысловую нагрузку – но, вопреки очевидности, не несло.

Когда к закусочной подъехал я, молодые люди уже успели найти свободное место для парковки с обратной стороны здания. Я приткнул свою «Хонду» вплотную к багажнику красной «Миаты», перекрыв ей выезд. Машина была одной из первых моделей, которые начали выпускать в начале 90-х. Складывающийся кожаный верх выцвел и местами порвался. Очевидно, встроенное в него заднее стекло было сделано из пластика и наверняка успело пожелтеть и почти полностью утратить прозрачность.

Я набрал домашний номер мисс Плимптон. Она взяла трубку после первого же гудка:

– Да?

– Можете не волноваться.

Я услышал в трубке какой-то шум, а затем раздался голос Глории:

– Джереми?

– Это Кэл. Я его нашел. Скоро привезу его домой.

– Где он? Что он...

– Я скоро вернусь.

Отключившись, я сунул сотовый в карман пиджака, выбрался из машины, запер ее и направился в закусочную. Посетителей там было немного. Джереми и девушка стояли у прилавка. Все говорило о том, что они уже успели сделать заказ. Я, чтобы не привлекать их внимания, зашел за колонну и стал ждать, пока они усядутся. Когда это произошло, я подошел к прилавку и какое-то время молча наблюдал за тем, как сотрудник закусочной наполняет проволочное ведерко ломтиками замороженной картошки, а затем опускает его в кипящий фритюр. Масло начало с шипением пениться. В это время ко мне подошел другой сотрудник, и я попросил его сделать кофе.

Джереми с девушкой сели за столик на четверых, расположившись напротив друг друга.

¹ В переводе с английского «Сало и жир». – Здесь и далее прим. перев.

Я небрежной походкой подошел к ним и опустился на стул рядом с Джереми. Молодые люди заказали бургеры, молочные коктейли и большой пакет картошки-фри. Перед Пимфолдом на столе лежал мобильный телефон.

– О черт, – пробормотал Джереми. – Снова вы.

– Кто это? – поинтересовалась девушка, на вид его ровесница.

– Меня зовут Кэл Уивер. – Представившись, я с улыбкой протянул ей руку. Ее мой жест, видимо, застал врасплох. Она показала мне перепачканные кетчупом пальцы. – Ничего страшного. Ну, как дела, Джереми?

– Как вы меня нашли?

– Честно? Мне просто повезло. Как зовут твою подружку?

– Чарлин, – ответил Джереми, с досадой закатив глаза, и покачал головой.

– Кто этот тип? – снова спросила Чарлин, глядя на меня с подозрением.

– Это мой новый телохранитель, – с презрительной интонацией внес ясность в ситуацию Джереми.

– Как ваша фамилия, Чарлин? – осведомился я.

– Уилсон. – Девушка пожала плечами.

– Я ее знаю с третьего класса, – сказал Джереми.

– Красная «Миата» принадлежит вам или вашим родителям? – поинтересовался я, глядя на Чарлин.

Она облизнула губы.

– Раньше на ней ездила моя мать, но она отдала машину мне после того, как купила новую.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, в школе сейчас занятия. Ваши родители знают, что вы не в Олбани и не на уроках?

– Сегодня занятия уже закончились, – сообщила Чарлин.

Я был вынужден признаться себе, что допустил небольшой промах.

– Значит, вы постоянно встречаетесь? Можно сказать, у вас стабильные отношения? – уточнил я и, взяв из пакета ломтик жареной картошки, бросил его в рот.

Джереми снова закатил глаза.

– Господи, в каком веке вы родились? – пробормотал он.

– В мое время, когда мы с девушками ходили на танцы, это называлось именно так, – улыбнулся я.

Молодой человек озадаченно заморгал и посмотрел на меня с таким изумлением, словно я заговорил на суахили.

– Мы дружим уже много лет, – вмешалась в разговор Чарлин. – Как уже сказал Джереми, с самого детства. Кроме меня, у него больше не осталось друзей. Все те, кто называл себя его друзьями, бросили его, когда с ним случилась беда. Они ведут себя так, как будто никогда даже не были с ним знакомы. Но только не я.

– Верно, – сказал Джереми. – Это правда.

– Вот я и решила повидаться с ним. Это что, преступление?

– Она ведь не получала условного срока, – снова подал голос Джереми. – Послушайте, Чарлин привезет меня обратно в дом Мэдэлайн через десять минут.

– Это будет трудно сделать, – заметил я. – Дело в том, что я заблокировал машину Чарлин на парковке.

Джереми разом поник, словно надувная кукла, из которой выпустили весь воздух.

– Послушайте, я ведь просто хотел немного проветриться.

– Как в прошлый раз?

– Что?

– Твоя мать говорит, что ты уже убежал из дома после того, как вы переехали в дом ее тетки.

Джереми откусил кусок бургера и посмотрел на Чарлин, проигнорировав мою последнюю фразу.

– Где еще ты был? – спросил я.

Молодой человек, не отвечая, продолжал жевать.

– Мне бы хотелось знать, где еще тебя могли видеть. Чарлин не единственная, кому известно, что ты находишься в Промис-Фоллз. Твои фанаты тоже об этом знают: вычислить это было нетрудно. Жаль, что ты ускользнул из дома – ты пропустил кое-что интересное.

Джереми перестал работать челюстями и посмотрел на меня:

– Что?

Я рассказал ему о брошенном в окно камне. Слушая меня, он на секунду прикрыл глаза – так, словно мои слова вызвали у него чувство вины или сожаления.

– Надеюсь, никто не пострадал? – спросил он. – С Мэдэлайн все в порядке?

– Да. Итак, где еще ты успел побывать с тех пор, как приехал в Промис-Фоллз?

Джереми неопределенно пожал плечами:

– Так, поболтался немного по округе.

– Тебя кто-нибудь узнал?

Не отвечая, он уставился в окно.

– Джереми!

– Ну да, какие-то парни. Я проходил мимо, а один из них схватил меня за руку и сказал, что я тот самый Большой Ребенок.

– Эти парни были настроены агрессивно?

Джереми опустил голову:

– Похоже, да.

– Они пошли за вами следом?

– Я не знаю, – ответил молодой человек с небольшой заминкой.

Я положил в рот еще ломтик жареной картошки и решил, что позволю Джереми и Чарлин закончить трапезу, – это давало мне самому возможность спокойно выпить кофе.

– Если вы на стороне Джереми, – сказала Чарлин, – то вы что-то уж слишком пытаетесь его достать.

– В самом деле?

– Все, что произошло, очень несправедливо, – заявила девушка. – Все считают его мерзким типом, но это не так.

– Кажется, я ничего такого не говорил, – напомнил я, раздумывая над тем, почему она вдруг решила вмешаться в разговор. – Я просто хочу, чтобы он был в безопасности.

– Ну да, конечно. Но только все судят его, не зная, как все произошло на самом деле. А эта девица, между прочим, была еще пьянее, чем Джереми, и, скорее всего, просто вывалилась на дорогу прямо перед машиной. Так что, даже если бы Джереми был трезв как стеклышко, он все равно уже ничего не смог бы сделать.

Джереми, видя, что я переключил внимание с него на Чарлин, поежился.

– Вы что, в момент происшествия были с Джереми?

Девушка мотнула головой:

– Нет. То есть я хочу сказать, что была на вечеринке, но меня не было рядом с Джереми, когда все это случилось. Однако все знали, что эта девица любила выпить. Так что дело, скорее всего, обстояло именно так, как я говорю.

– Да ладно тебе, Чарлин. – Тема разговора явно вызывала у Джереми, держащего свой бургер обеими руками, чувство дискомфорта.

– Ничего не ладно! – возразила Чарлин. – Все были чересчур жестоки к тебе. Ты этого не заслуживаешь.

– Тут уже ничего не поделаешь. – Молодой человек пожал плечами. – Дело сделано, так что ничего не изменишь.

– В каком-то смысле да, – сказал я. – Но теперь тебе придется иметь дело с последствиями. И именно поэтому ты и твоя мать должны быть как можно более осторожными и осмотрительными.

– Какими? – переспросил Джереми.

– Осторожными, – повторила Чарлин.

Протянув руку, я взял телефон, лежавший перед Джереми на столе.

– Эй! – воскликнул Пимфолд, от неожиданности уронив на пол салатный лист.

Включив телефон, я увидел обмен эсмэсками между Джереми и Чарлин, включая инструкции молодого человека по поводу того, где именно его следует забрать после того, как он ускользнет из дома Мэдэлайн.

Я повернул телефон экраном к Джереми.

– Я говорю в том числе и о таких вот вещах.

– Отдайте! – потребовал он, отложив в сторону бургер и протянув руку.

– Ты и твоя мать в самом деле слишком привязаны к своим сотовым.

– К маме это относится в гораздо большей степени, чем ко мне. Она постоянно переписывается с *Бобом*.

– Ты что, его недолюбливаешь? – поинтересовался я, держа телефон так, чтобы Джерри не мог до него дотянуться.

– Он ее рыцарь в сверкающих доспехах. Ее шанс на жизнь, которой она всегда хотела жить.

Я бросил взгляд на Чарлин, которую мое присутствие явно раздражало все больше.

– Мне пора возвращаться. Может, вы отгоните свою машину? – спросила она, скомкав бумажку, в которую был завернут ее бургер. Затем допила последний глоток коктейля и после небольшой паузы добавила: – Пожалуйста.

– Да, конечно.

– А мой телефон? – снова подал голос Джереми.

– За него можешь не волноваться, – сказал я. – Будет лучше, если он пока останется у меня.

Мы встали. Я поставил свою чашку с остатками кофе на пластиковый поднос. Джереми не сделал попытки собрать свою посуду, это сделала Чарлин.

Когда мы уже собрались выходить на улицу, я заставил немного понервничать молодого человека за прилавком, шагнув на его территорию, куда клиентам входить в принципе запрещалось.

– Эй, мистер! – окликнул он меня.

– Подождите всего одну секунду.

Я немного подержал телефон Джереми над фритюрницей, а затем бросил его в кипящее масло, стараясь, чтобы на меня не попали брызги.

– Какого черта! – возмущенно выкрикнул Джереми.

Я сунул пареньку за прилавком десятидолларовую купюру:

– Вот вам за беспокойство. Пожалуй, эту порцию картошки вам придется выбросить.

Глава 10

Альберт Гаффни высадил свою жену Констанс и дочь Монику у главного входа в городскую больницу Промис-Фоллз, а затем поехал на парковку. По дороге супруги Гаффни не сказали друг другу ни слова, а когда Моника пыталась их о чем-нибудь спросить, отвечали либо «там посмотрим», либо «не знаю».

Только раз Констанс произнесла нечто другое. Фраза оказалась довольно загадочной:

– Твой отец знал, что так будет. Похоже, у него есть ответы на все вопросы.

Альберт, однако, после этих слов даже не посмотрел на жену.

Констанс и Моника заняли очередь к стойке информации. Их опередила пожилая пара. Старички разыскивали геронтологическое отделение и никак не могли взять в толк, куда им идти. Войдя в здание больницы через вращающиеся стеклянные двери, Альберт направился к жене и дочери и спросил свистящим шепотом:

– Ну, где он?

– Мы все еще ждем возможности это выяснить, – раздраженно бросила Констанс.

Все трое еще какое-то время стояли молча, слушая, как пожилая пара задает дежурной уточняющие вопросы.

– Так куда нам идти прямо сейчас? – в очередной раз поинтересовалась старушка. – Вдоль какой, вы говорите, линии?

Констанс посмотрела на Альберта и качнула головой, призывая его вмешаться в бесконечный разговор двух стариков и администратора и выяснить, где находится Брайан. Поскольку он никак не отреагировал на этот жест, инициативу взяла на себя Моника.

– Послушайте, – заговорила она, отгесняя пожилую пару от стойки. – Моего брата, Брайана Гаффни, доставили сюда. Где он сейчас?

Дежурная пробежалась пальцами по клавиатуре компьютера.

– Видимо, ваш брат все еще в интенсивной терапии, – ответила она. – Если бы его оттуда перевели, он был бы в списках пациентов, распределенных по палатам, но его там пока нет.

– И где это находится? – рявкнула Констанс.

Выслушав объяснения администратора, родственники Брайана Гаффни отправились в отделение интенсивной терапии. Им сказали, что Брайан находится в палате, примыкающей к операционной, на койке номер тридцать два. Добравшись до палаты, они пошли вдоль выстроенных в ряд кроватей, каждая из которых была снабжена занавеской. Наконец они нашли нужную. Занавеска была задернута. Наибольшую решимость проявила Моника – она осторожно отодвинула занавеску в сторону, чтобы проверить, действительно ли там находится ее брат.

– Эй, – произнес при виде всей троицы Брайан. Он сидел на кровати в больничном халате, укрытый простыней до пояса. Его одежда, аккуратно сложенная, лежала на расположенном рядом с койкой стуле. – А я все думал, придете вы меня навестить или нет.

Сестра и родители Брайана окружили постель с трех сторон. Первой, наклонившись, его поцеловала Констанс, затем это сделала Моника. Альберт, стоя в ногах кровати, радостно покивал.

– Что с тобой случилось? – спросила Констанс. – Выглядишь ты неплохо.

– Это трудно объяснить, – отозвался Брайан. – Сначала я думал, что меня похитили... Хотя ладно, думаю, об этом не стоит. Так или иначе, полицейские считают, что моя версия событий ошибочная. Ясно одно – кто-то меня вырубил и... кое-что со мной сделал.

Родственники Брайана испуганно переглянулись.

– Что именно? – тихо уточнил Альберт.

Брайан поморщился:

– Будет проще, если я вам покажу. Этот халат застегивается на спине, так что вы легко сможете все увидеть сами. Только не смотри на мою задницу, Моника.

Брайан осторожно повернулся на бок, стараясь, чтобы с него не сползла простыня и родные не увидели лишнего ниже его талии. Моника обошла кровать с другой стороны. Альберт, оставив свою позицию в изножье, приблизился к жене и дочери.

При виде татуировки на спине Брайана у всех троих вырвалось изумленное и испуганное «ах».

– О боже, – дрожащим голосом проговорила Констанс.

– Что это такое? – не поняла Моника. – Это что, татуировка? Кто-то набил тебе на спине эту надпись?

– Ну да, похоже на то, – подтвердил Брайан.

– Господи, – прошептал Альберт и, протянув руку, осторожно прикоснулся к коже сына в том месте, где на ней красовались слова «БОЛЬНОЙ УБЛЮДОК».

– Не понимаю. Как кто-то мог сделать такое из-за собаки? – тихо пробормотала Моника.

– Что? – не понял Брайан.

– Ты помнишь пса миссис Бичем? – спросила его сестра.

Брайан сначала пожал плечами, но затем, подумав немного, кивнул:

– Ах да, это тот, которого я случайно задавил.

– Его хозяйка тогда порезала нам шины, – вспомнил Альберт.

– А ты ничего не сделал, – осуждающе произнесла Констанс. – Ты и слова не сказал этой мерзкой старухе.

– Невозможно было ничего доказать, – возразил ей муж. – У меня не имелось ни видео-записи, ни чего-то еще, чем я мог бы обосновать свои обвинения.

– Я думаю, вряд ли кто-то мог так долго точить на меня зуб из-за какого-то пса. – Брайан снова пожал плечами. – Слишком уж много времени прошло.

– Такое никогда бы с тобой не случилось, если бы ты не съехал от нас и не стал жить отдельно, – убежденно заявила Констанс. – Я знала, что это была ошибка!

– Это не имеет к случившемуся никакого отношения, – не менее убежденно отозвался Брайан.

Моника не отрывала взгляд от татуировки. Осторожно потрогав ее, как немногим ранее сделал ее отец, она спросила:

– Кто это был, Брайан? Кто это сотворил? Не думаю, что это дело рук миссис Бичем. Я хочу сказать, она ведь совсем старуха.

– Я не знаю, Моника. Я ведь был без сознания. – Брайан снова повернулся спиной к спинке кровати. У него начали дрожать губы. – Я очень рад, что вы приехали меня навестить.

– Как же мы могли не приехать, – снова подала голос Констанс. – Мы отправились сюда, как только полицейский детектив сообщил нам о том, что случилось! Когда тебя выпишут из больницы, ты снова поселишься у нас. В твоей комнате все осталось так, как было.

Брайан неуверенно взглянул на отца:

– Не знаю. Мне кажется, я неплохо справлялся, живя отдельно.

– Ну да, конечно, – тут же отреагировала мать. – И посмотри на себя теперь!

Мышцы шеи у Альберта напряглись, лицо покраснело.

– Ладно, ты вернешься к нам, это понятно, – сказал он. – Но ты ведь ходил в этот бар и раньше, верно? До того, как съехал от нас.

– Папа прав, – кивнул Брайан. – Произошедшее никак не связано с тем, что я жил один на съемной квартире.

– Что говорят врачи? – спросил Альберт. – Они могут свести с твоей кожи эту дрянь?

Брайан покачал головой:

– Вообще-то их больше беспокоит то, что мне могли занести инфекцию.

- Что?! – испуганно воскликнула Констанс.
- Они должны сделать анализы – проверить, не заразили ли меня гепатитом или чем-то еще.
- Боже правый, – ошеломленно пробормотала Констанс.
- Дерьмо, – бросила Моника.
- Альберт внезапно скользнул за занавеску. В течение нескольких секунд под ее нижним краем всем были видны его ноги, затем они исчезли – Альберт куда-то ушел.
- Что с ним такое? – не понял Брайан.
- Он неважно себя чувствует, – пояснила Констанс.
- Моника качнула головой:
- Господи, мама, не взваливай вину за все это на отца! Он был прав, когда говорил, что Брайану лучше жить отдельно. Папа вовсе не принуждал его к переезду. Просто он предложил эту идею, и Брайану она понравилась. – Моника посмотрела на брата. – Я права?
- Конечно, – ответил Брайан.
- И я тоже хочу как можно скорее начать жить самостоятельно. Если что-то подобное произойдет со мной, в этом тоже будет виноват папа?
- Ты всегда становишься на сторону отца, – недовольно бросила Констанс.
- Это неправда!
- Да-да, так оно и есть.
- Здесь нет никаких «сторон». – В голосе Моника слышались нотки отчаяния.
- Брайан какое-то время молча переводил взгляд с мамы на сестру и обратно, а потом сказал:
- Послушайте, может, вам лучше продолжить этот спор не в палате?
- Констанс накрыла его руку своей:
- Уверена, анализы покажут, что с тобой все в порядке.
- Я пойду поищу папу, – сказала Моника и, отдернув занавеску, исчезла.

* * *

Оказавшись в помещении для посетителей рядом с реанимационным отделением, Моника не обнаружила там отца. Она подумала было, что он вернулся в машину, но тут заметила его в коридоре. Он сидел на пластмассовом стуле, упершись локтями в колени и обхватив ладонями голову. Подойдя к Альберту, Моника опустила на соседний стул.

– Эй, – позвала она.

Когда Альберт отнял ладони от лица, Моника увидела, что он плакал.

– Может, твоя мать права, – проговорил он. – Может, я в самом деле слишком давил на Брайана и заставил его переехать.

– Разве родители не должны вести себя именно так? Разве они не должны стремиться к тому, чтобы их дети стали самостоятельными? И потом, как я уже сказала, ты не заставлял его уехать. Ты просто дал ему возможность выбора. И Брайан захотел проверить, справится ли он в одиночку, без вашей помощи.

– Да, наверное. – Альберт посмотрел на дочь и едва заметно улыбнулся. – Но твоя мать считает, что он был к этому не готов.

– Брайан был готов, как никогда, – возразила Моника. – Да, возможно, он немного наивен, и люди иногда этим пользуются. Но он вовсе не глуп, а вы с мамой ведь тоже не вечные. Рано или поздно Брайану все равно пришлось бы пойти своей дорогой.

– Я всегда так и говорил. Похоже, он стал жертвой каких-то изуверов.

Альберт снова опустил голову, и по его щекам потекли слезы.

– Да, – тихо произнесла Моника.

– Какой-то ублюдок изуродовал его на всю жизнь. Я должен с этим разобраться.

– Как ты собираешься это сделать?

– Не знаю. Но я хочу выяснить, кто с ним так поступил. Кто бы это ни был, я хочу посмотреть ему в глаза и спросить, как он мог сотворить подобное.

– Тебе не стоит заниматься такими вещами, пап.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь, что. Разборки – не твоя стихия. Ты, как бы это сказать... только не сердись... в общем, Брайан – он в каком-то смысле в тебя. Ты не возвращаешь вещи в магазин, если они оказываются с дефектом. Ты не требуешь у официанта, чтобы тебе заменили стейк, который поджарили не так, как ты просил. Ты никогда не поднимаешь шум, когда кто-нибудь занимает на стоянке место, куда ты хотел припарковаться.

– Я берегу свои силы и нервы для стычек, которые действительно имеют значение, – отозвался Альберт. – Нет смысла убивать друг друга из-за места на парковке.

– Да ладно, пап. – Моника прислонилась к плечу отца. – В конце концов, если уж ты хочешь вступить с кем-то в противоборство, попробуй начать с мамы.

– Иногда легче не перечить ей, – заметил Альберт.

– Но так не может продолжаться вечно, – возразила дочь.

Отец, повернув голову, взглянул на нее.

– Ты у меня сильная, – хмыкнул он.

– Ты тоже сможешь быть сильным – если захочешь.

– Я в самом деле хочу разобраться с тем, что случилось с Брайаном, – сказал Альберт после паузы. – Я должен что-то предпринять.

– Этим делом занимается полиция.

Альберт снова замолчал – на этот раз надолго. Моника обняла его одной рукой за плечо.

– Я люблю тебя, пап, – произнесла она.

Ее отец ничего на это не ответил.

В это время в конце коридора показалась Констанс. Она приближалась быстрым шагом.

– Вот вы где, – сказала она, подойдя. – А я вас повсюду ищу.

– Что случилось? – спросила Моника.

– Ничего. Просто я хотела понять, куда вы оба подевались.

– Никуда. – Моника пожала плечами. – Мы просто разговариваем.

– Я хочу еще раз побеседовать с тем полицейским, – сообщила Констанс. – Как его звали?

– Дакуорт, – отозвалась Моника. – Кажется.

Альберт встал со стула и, не взглянув на супругу, зашагал по коридору.

– Эй, ты куда? – крикнула Констанс ему вслед.

– Хочу еще немного поговорить с сыном, – ответил он, не оборачиваясь.

– Да уж, тебе стоит это сделать, – съязвила Констанс.

Вернувшись в палату, Альберт подошел к кровати сына, помедлив немного, резким движением отдернул занавеску и остолбенел.

Кровать была пуста. Одежда Брайана, которая раньше в сложенном виде лежала на стуле, также исчезла.

Альберт подошел к посту медсестры, располагавшемуся всего в нескольких шагах от реанимационного отделения, и поинтересовался, куда делся его сын, предположив, что его, вероятно, перевели в палату или отвели в лабораторию делать анализы.

– По-моему, он совсем недавно прошел мимо меня, – сказала медсестра. – Насколько я знаю, его еще не выписали. Но теперь я припоминаю, что он был одет.

Альберт бросился в отделение реанимации и выбежал к пандусу, куда подъезжали машины «скорой помощи».

Брайана нигде не было. Он исчез.

Глава 11

Дакуорт написал сыну короткую эсмэску: *«Нам надо повидаться»*.

Нажав на кнопку *«Отправить»*, он добрую минуту смотрел на экран телефона в надежде, что Тревор ответит немедленно. Иногда, получив сообщение от отца, Тревор посылал ему ответ сразу же. Однако нередко бывало и так, что это происходило через час или два, а иногда лишь на следующий день. Конечно, теперь, когда он снова жил с родителями, это не имело такого уж принципиального значения. Во многих случаях у Дакуорта имелась возможность увидеться и поговорить с сыном лично. К чести Тревоора, подумал Дакуорт, он, в отличие он многих других людей, не был рабом своего смартфона. Нередко он отключал в устройстве звук и отвечал на смс-сообщения только в конце дня.

Через минуту Дакуорт решил, что не будет больше ждать ответа. Тем не менее ему действительно требовалось поговорить с Тревором по поводу посещения им бара «У Рыцаря». Что, если он видел что-то подозрительное? Тревор покинул заведение всего через несколько секунд после Брайана Гаффни. Впрочем, Дакуорту и без этого было чем заняться.

Продолжая держать телефон в руке, Барри просмотрел список тату-салонов, которые имелись в Промис-Фоллз. Их оказалось три – «Тату от Майка», «Кинки-Инки» и «Татуировки мечты».

Салон «Кинки-Инки» находился на той же улице, что и бар «У Рыцаря», поэтому первым делом Дакуорт отправился туда. Однако на двери заведения он обнаружил табличку с надписью: *«Мы закрылись. Спасибо за поддержку»*.

Приставив ладонь ко лбу над глазами на манер козырька, детектив стал вглядываться внутрь помещения сквозь пыльные оконные стекла. Ему удалось разглядеть, что внутри пусто: нет ни столов, ни стульев – ничего.

Чтобы посетить остальные два салона, Дакуорту пришлось снова садиться за руль. «Татуировки мечты» располагались в семи кварталах, в одном здании с пиццерией, магазином «Север-илевен» и лавкой, торговавшей париками. Подойдя к двери тату-салона, детектив увидел на ней бумажку со словом «Закрыто». Оказалось, рабочий день в «Татуировках мечты» закончился десять минут назад. Заведение должно было открыться на следующий день в двенадцать часов дня.

Оставалось, таким образом, нанести визит только в «Тату от Майка», но Дакуорт вполне резонно предположил, что и этот салон, скорее всего, тоже уже закрыт. Однако, когда восемь минут спустя детектив припарковался перед заведением, затиснутым между лавкой комиксов и мастерской по ремонту газонокосилок, выяснилось, что ему повезло. В окне салона мерцала неоновая вывеска «Открыто», освещавшая образцы татуировок.

Войдя, Дакуорт сразу же услышал жужжание тату-машинки. За столиком администратора сидела светловолосая женщина лет двадцати пяти, одетая в джинсы и футболку с короткими рукавами, без каких-либо татуировок на видимых частях тела. Она что-то показывала на мониторе компьютера мужчине, боком присевшему на край стола.

– Вы что, полицейский? – спросила она, сонно взглянув на вошедшего Дакуорта.

– А что, это так заметно? – широко улыбнулся он.

Мужчина посмотрел на детектива с опаской, а затем воскликнул:

– Послушайте, я видел вас по телику – в новостях!

– И я тоже, – добавила женщина.

– Ах, вот оно что. – Дакуорт убрал улыбку с лица и взмахнул рукой, демонстрируя значок. – Дело, оказывается, не в том, что вы обладаете неким шестым чувством. Детектив Дакуорт, полиция Промис-Фоллз.

Мужчина соскользнул со стола и ухмыльнулся:

– Думаю, даже если бы мы не видели вас по телевизору, мы бы все равно догадались, чем вы зарабатываете на жизнь.

Дакуорт окинул его быстрым, но внимательным взглядом. Тридцать лет с небольшим, двести фунтов веса, коротко остриженные рыжеватые волосы, круглые щеки. Мужчина, одетый в брюки цвета хаки и темно-синюю рубашку с отложным воротником, смотрел на детектива сквозь очки в тонкой металлической оправе. На открытых частях тела татуировок у него тоже не было. У Дакуорта возникло смутное ощущение, что в тату-салоне ему не место. Мужчина чем-то напомнил детективу Худи-Дуди – изображавшую ковбоя, рыжую розовощекую куклу из телешоу пятидесятых годов. Пик популярности шоу пришелся на то время, когда Дакуорт еще не родился. Однако некоторые американские телешедевры обладают способностью оставаться в памяти не одного, а сразу нескольких поколений подряд.

– Что выдает во мне полицейского? – поинтересовался Барри.

– Вы просто выглядите как коп, – сказал мужчина.

– Да ладно тебе, Кори, это не так уж очевидно, – возразила женщина.

Кори покачал головой:

– Сразу же становится ясно, что вы пришли сюда не для того, чтобы сделать себе татуировку.

– В этом вы правы, – улыбнулся Дакуорт. – Ну, а вы не кажетесь мне человеком, который зарабатывает на жизнь, набивая другим людям тату.

– Угадали, – ухмыльнулся Кори и, сделав шаг назад, скрестил руки на груди жестом, который показался детективу вызывающим. – И чем же я, по-вашему, занимаюсь?

Подумав всего несколько секунд, Барри ответил:

– Вы программист.

Рот мужчины слегка приоткрылся от удивления.

– Что ж, неплохо, – сказал он. – То есть я не хочу сказать, что именно в этом состоит моя профессия, но я действительно провожу много времени за компьютером.

– А в чем все-таки состоит ваше основное занятие? – поинтересовался Дакуорт.

– Пожалуй, меня можно назвать общественным активистом, – сообщил Кори. – Защищаю, так сказать, глобальные интересы человечества.

– Что ж, прекрасно, – кивнул детектив.

– Кори, ради всего святого, прекрати болтать, – вмешалась в разговор женщина. – Чем я могу вам помочь, мистер полицейский?

– Как вас зовут? – спросил Дакуорт.

– Долорес. Как в «Сайнфелде».

– Простите, не понял.

– Ну, так зовут одну из героинь сериала «Сайнфелд».

– Никогда его не смотрел, – заметил Барри.

– Серьезно? – удивился Кори.

– Серьезно.

– Надо же. Не думала, что на свете есть люди, которые не смотрели «Сайнфелд», – сказала Долорес. – Вообще-то его начали показывать, когда я только родилась, но я посмотрела все серии. Друзья зовут меня Долли.

– Что ж, привет, Долли.

– Так что я могу для вас сделать?

Дакуорт указал пальцем на вывеску салона:

– Мне бы хотелось повидать Майка.

– Подождите немного.

Женщина прошла из приемной в глубь салона, откуда доносилось жужжание тату-машинки. Звук прекратился, и Дакуорт услышал голос Долли:

– Эй, Майк, там пришел коп, который не смотрел «Сайнфелд» и который хочет с тобой поговорить.

– Ладно, – раздался приглушенный мужской голос. – Пусть пройдет сюда.

Долли снова появилась в приемной и жестом поманила Дакуорта за собой.

– Доктор примет вас прямо сейчас, – произнесла она с едва заметной издевкой.

Кори помахал рукой Долли и сказал:

– Ладно, я зайду как-нибудь в другой раз. А вам, – добавил он, обращаясь к Дакуорту, – удачи в ловле плохих парней.

В ответ детектив показал Кори поднятый большой палец и последовал за Долли. Майк, тощий бородатый мужчина лет тридцати в специальных очках с увеличивающими стеклами, склонился над могучим молодым человеком, вдвое превосходящим его габаритами. Тот сидел в некоем подобии парикмахерского кресла, спинка которого была наклонена назад под углом примерно сорок пять градусов. Это давало Майку возможность беспрепятственно обрабатывать машинкой плечо клиента. Татуировка представляла собой довольно удачное изображение водопада размером примерно в три дюйма. Под ним Дакуорт увидел цифры – 5–23-16. Еще ниже располагалась надпись: «Я ВЫЖИЛ».

– Вам чего? – спросил Майк, не отрываясь от работы.

– Привет, – поздоровался Дакуорт и без всякого одобрения в голосе заметил: – Интересная картинка.

Молодой мужчина в кресле улыбнулся:

– Вы поняли, о чем речь, верно?

– Да, понял, – ответил Дакуорт.

– Двадцать третье мая прошлого года. – Парень снова улыбнулся. – Я не пил ту воду.

– Ваше счастье.

– Послушай, Майк, а разве первой не должна идти цифра 23, а уж потом 5? – поинтересовалась Долли, указывая пальцем на татуировку.

– Не думаю, – ответил Майк и взглянул на клиента с некоторым беспокойством. – Вы ведь хотели, чтобы я именно так набил, верно?

– Верно.

– Уф! Ты меня немного напугала, Долли, – с облегчением вздохнул Майк и, сдвинув очки на лоб, посмотрел наконец на Дакуорта. – Что я могу для вас сделать?

– Я хочу вам кое-что показать, – сообщил детектив, доставая из кармана телефон. Коснувшись экрана пальцем несколько раз, он открыл фотографию Брайана Гаффни. – Вам знаком этот молодой человек?

Майк в течение нескольких секунд изучал снимок, после чего отрицательно покачал головой:

– Нет.

– Вы уверены?

– Конечно, уверен. Долли, ты знаешь этого парня?

Долорес довольно долго всматривалась в снимок, плотно сжав губы.

– Да вроде нет.

– У меня есть еще одна фотография, – сказал Барри и, пролистнув портрет Брайана, продемонстрировал Майку снимок его спины.

– Боже, а это еще что такое?

Опустив очки на глаза, Майк пристально взгляделся в экран смартфона Дакуорта, после чего снова поднял очки на лоб.

– Ну и что это за хрень?

– Насколько я понимаю, это татуировка, – заметил детектив. – Руку узнаете?

– Вы что, издеваетесь? Это же какое-то уродство. – Майк снова надел очки и, отложив машинку в сторону, большим и указательным пальцами увеличил изображение и навел резкость в линзах. – Это что, настоящее? Кто-то кому-то в самом деле набил такую штуку?

– Дай-ка я взгляну, – попросила Долли, и Майк передал ей телефон Дакуорта. – Ничего себе! Этот парень имеет полное право потребовать вернуть ему деньги.

Молодой человек, сидящий в кресле, также изъявил желание посмотреть на фотографию. При виде надписи на спине Брайана Гаффни он сморщился и сказал, обращаясь к Майку:

– Только на мне такое, пожалуйста, не делай.

Забрав свой телефон, Дакуорт снова задал интересовавший его вопрос, но на этот раз сформулировал его несколько иначе:

– У вас есть предположения насчет того, кто мог это сделать?

Майка, однако, интересовало другое:

– Какой идиот мог попросить набить себе такое тату?

– Татуировка была сделана отнюдь не добровольно, – пояснил детектив.

Майк выпучил глаза от изумления:

– Выходит, кто-то набил парню эту дрянь без его разрешения?

– Это мог сделать только конченный сумасшедший, – заявила Долорес.

– Как живой человек мог такое вытерпеть? – озвучил Майк еще один интересовавший его вопрос.

Дакуорт решил, что сообщил ему и Долорес вполне достаточно, поэтому пора начать задавать вопросы:

– Значит, вы не знаете, чьих рук это может быть дело?

– Я бы сказал, что это сделал четырехлетний ребенок, – сказал Майк. – Все набито настолько плохо, что это не может быть работой профессионала. Похоже, к этому приложил руку какой-то дилетант.

– И много есть дилетантов, которые занимаются татуажем?

– Наверняка единицы, – твердо заявил Майк.

– Вы сдаете кому-нибудь в аренду ваше оборудование? – поинтересовался детектив, кивнув на машинку с иглами.

– О боже, никогда. Я бы ни за что... – начал было Майк и вдруг умолк.

– В чем дело? – насторожился Дакуорт.

– Долли, когда у нас случилась та история?

– Какая история?

– Ну, когда ночью кто-то к нам сюда вломился.

Долли задумалась.

– Кажется, недели две назад, – произнесла она после паузы. – Да, по-моему, так.

– У вас был случай несанкционированного проникновения? – оживился Барри.

Майк пожал плечами и закатил глаза к потолку:

– Ну, не совсем так. Как-то раз я решил, что помещение заперла Долли, а она – что это сделал я. В результате задняя дверь осталась на ночь незапертой. Поначалу нам показалось, что у нас ничего не украли. Однако пару дней спустя я заметил, что одна из машинок с иглами исчезла и еще кое-какое оборудование тоже. Я решил, что это случилось именно в ту ночь, когда мы не закрыли помещение как следует.

– Это была моя вина, – сказала Долли. – Я должна была все проверить.

– Насколько сложно непривычному человеку научиться проделывать вашу работу?

– Ну, если разжиться необходимым оборудованием, то это возможно, – ответил Майк. – Но, конечно, результат будет не ахти. Я-то ведь как-никак художник. – С этими словами он кивнул на водопад, изображенный на плече клиента.

– Понимаю, – протянул Дакуорт.

– Вы же не ждете от типа, который украл несколько кистей и немного красок, что он изобразит вам *Мону Лизу*, верно?

– Разумеется, – кивнул детектив, еще раз взглянув на шедевр Майка.

– Не понимаю, – сказала Долли, – как такое можно сотворить с парнем, если он против!

– Да уж, – подал голос молодой мужчина, сидящий в кресле. – Потому что это чертовски больно.

– Вы вызывали полицию в связи с кражей машинки? – поинтересовался Дакуорт.

Майк презрительно хмыкнул:

– Вы в самом деле верите, что местная полиция стала бы расследовать это дело и искать пропажу?

Дакуорт снова понимающе покивал, а потом спросил:

– Скажите, а камеры у вас есть?

Майк отрицательно покачал головой:

– Черт, нету. Многие клиенты сюда даже не зайдут, если будут знать, что их снимают на видео.

– Вы имеете в виду байкеров?

– Байкеров? Нет, я имею в виду обычных людей – например, домохозяек. Многие из них считают, что, если кто-нибудь, просматривая запись, увидит их, это будет плохо для их репутации. – Майк ухмыльнулся. – Многие из них набивают себе татуировки на разных интересных местах.

Долли тоже усмехнулась.

– Что ж, спасибо, что уделите мне время, – сказал Дакуорт и направился к двери.

– А что это за Шэн, которого, если верить татуировке, убил этот больной ублюдок? – неожиданно спросил парень, сидящий в кресле.

– Я пытаюсь это выяснить, – ответил детектив.

Садясь в машину, Дакуорт подумал: почему клиент Майка и Долли оказался единственным из троих, кому пришлось в голову задать этот вопрос?

Устроившись за рулем, он снова достал свой телефон и вывел на экран фото минивэна, припаркованного рядом с домом миссис Бичем. Взглянув на номер, он запомнил его и связался с отделением полиции.

– Ширли?

– Да. Это ты, Барри?

– Я. Мне надо пробить номер одного автомобиля.

– Послушай, Барри, когда ты наконец заведешь компьютер в машине, как настоящий полицейский?

– Готова записать?

– Диктуй.

Закрыв глаза, Дакуорт произнес в трубку комбинацию букв и цифр.

– Повиси на линии, – предложила Ширли. Дакуорт услышал, как она стучит пальцами по клавиатуре. – Так, готово.

– Кому принадлежит автомобиль?

– Он зарегистрирован на некую Норму Хаутон.

– Назови по буквам фамилию, пожалуйста.

Ширли выполнила просьбу Дакуорта.

– Так, значит, хозяйка машины не Норма Ластман, – сказал детектив.

– Нет, – подтвердила Ширли. – Я могу еще что-нибудь сделать для тебя сегодня? Забронировать тебе круиз на Таити? Заказать пиццу?

– Спасибо, не надо, – улыбнулся в трубку Дакуорт. – Того, что ты уже сделала, вполне достаточно.

Глава 12

Кэл

– Вам придется купить мне новый телефон, – обратился ко мне Джереми Пилфорд, сидящий на переднем пассажирском сиденье.

Мы выезжали со стоянки бургерной. Взглянув в заднее зеркало, я увидел, как подружка Джереми задним ходом осторожно выбирается со своего места, слегка нажимая на тормоз.

– Занятная девушка, – сказал я.

– Что? – не понял Джереми.

– Я о Чарлин. Похоже, она в вас верит.

– Ну да, типа того.

– Значит, вы давно дружите?

– Мне кажется, что всю жизнь.

– Между вами есть близкие отношения?

Джереми бросил на меня взгляд, полный досады:

– Вы уже задавали этот вопрос.

– На который вы, строго говоря, не ответили.

– Вы как моя мать – вам обязательно надо на всех повесить ярлыки. Она твоя девушка или она не твоя девушка? Она мой друг, поймите. Иногда бывают моменты, когда мы с ней очень близки.

– Независимо от того, насколько вы близки сейчас, вы не должны были звонить ей и рассказывать, где вы находитесь.

– Что?

– Думаю, в этом месте вам стоило бы использовать какие-то другие слова. Например, «извините?». Или – «почему вы так считаете, мистер Уивер?».

– Вы, наверное, кажетесь самому себе жутко остроумным.

Я пожал плечами:

– Не знаю. Вообще-то лучшие свои шутки я приберегаю на будущее. В любом случае, раз вы не задаете мне назревший вопрос, я отвечу на него, не дожидаясь этого. Так вот, вы – мишень. Если вы настолько глупы, что готовы сообщить всему миру о своем местонахождении и планах – это одно. Но когда вы предлагаете Чарлин вместе провести время, то тем самым подвергаете ее серьезному риску. Вы что же, хотите, чтобы ее убили?

Джереми искоса взглянул на меня:

– Никто не собирается меня убивать.

– Что ж, будем надеяться.

– Я никого не боюсь.

Теперь уже я посмотрел на Джереми, но не искоса, а глаза в глаза.

– Правда? Тогда что же такое я видел совсем недавно? Разве это был не приступ паники?

– Когда?

– Когда вы сидели на веранде дома мисс Плимpton.

– И что же вы видели?

– Ваши глаза. Так что вам меня не обмануть.

– Что же вы там такое узрели?

– На мой взгляд, вы выглядели напуганным.

– Ну да, как же. Я прямо весь дрожу, как в лихорадке.

– Что ж, как угодно, – не стал спорить я. – Послушайте, мне известно, что все называют вас Большим Ребенком, а вы хотите доказать всему миру, что это не так. Я это понимаю. Но, если хотите знать, страх в умеренной дозе – очень полезная штука. Он делает человека умнее. И внимательнее. Пока меня наняли лишь для того, чтобы я оценил уровень вашей безопасности. Так вот, на данный момент я могу определенно сказать, что он нулевой. В значительной степени виноваты в этом вы и ваша мать, поскольку вы оба слишком неосторожны в том, что касается информации, выдаваемой вами в режиме онлайн – в соцсетях, при помощи эсэмэсок и тому подобное. Это все равно что установить на лужайке рядом с домом Мэдэлайн Плимптон доску объявлений, на которой постоянно обновляются сведения о том, где вы находитесь и что собираетесь делать. То есть вы вроде бы понимаете, что вам грозит опасность, но ваше стремление к общению мешает вам проявлять осторожность. Вот что я понял, когда увидел вас на веранде.

– Пожалуй, вы правы, – признал Джереми, помолчав несколько секунд. – Но это не означает, что я парализован страхом.

– Как скажете.

– Вы собираетесь купить мне новый телефон?

– Нет.

– Что ж, тогда это сделает Боб, – решил Джереми, немного подумав.

– Это пожалуйста. Хотя я думал, что он вам не нравится.

Джереми посмотрел в окно.

– Не знаю. Вообще-то он не так уж плох.

– Что вы можете о нем сказать?

– Ну, он большая шишка в риелторском бизнесе. У него полно недвижимости. Он постоянно заключает сделки. И все время ждет, что ему удастся повернуть какое-нибудь крупное, очень доходное дело. Вроде того, которое удалось ему недавно с тем типом – ну да вы про это наверняка знаете.

– Нет, не знаю.

– Я про того типа, который устраивал вечеринку. Ну, когда все случилось.

– Вечеринку, после которой произошла та самая история, из-за которой вы едва не попали в тюрьму?

– Ну да.

– И что же это за тип?

– Его зовут Гален Бродхерст. Он заключает мегасделки. Черт, что это за имя такое – Гален Бродхерст?

Это имя уже всплывало в одной из бесед, в которых мне довелось участвовать в течение дня, но я слышал его и раньше. В свое время я выяснил из новостей, что машина, на которой Джереми сбил девушку, принадлежала именно Бродхерсту. Я решил разузнать об этом человеке побольше, почитав подшивку «Уолл-стрит джорнэл» или деловую часть «Нью-Йорк таймс». В любом случае очевидно, что речь идет о крупном бизнесмене. Наверное, подумал я, если человек получил при рождении имя Гален Бродхерст, то просто не может не стать богатым и влиятельным. В заведениях, где посетители, собравшиеся перекусить, не выходят из автомобилей, наверняка нечасто встретишь людей с подобными именами.

– Репортажи о судебном процессе я смотрел, но всех деталей не знаю, – произнес я. – Может, расскажете мне, что и как? Или вам не хочется об этом говорить?

– Я неделями сидел в зале суда и слушал это дерьмо. Как вы думаете, есть у меня желание пережевывать все снова?

– Я так и думал, – сказал я, отлично понимая молодого человека.

– Так или иначе, – снова заговорил Джереми, – моей матери Боб нравится, потому что он может дать ей все то, чего никогда не мог дать мой отец.

- Может, расскажете мне о нем?
- О ком – о Бобе или о моем папаше?
- О вашем отце.
- Он... ну, в общем, у него своя жизнь. С ним все в порядке. Он хотел помочь, когда я вляпался в неприятности, но моя мать сказала – нет. Хотя вообще-то он вовсе не богач – денег у него не очень много.
- Чем он занимается?
- Работает учителем в средней школе.
- Ясно, – кивнул я. – Другими словами, дорогой юрист ему не по карману.
- Ну да. Но он хотел помочь как-то иначе – оказать моральную поддержку или вроде того. Но мать ему не разрешила.
- Почему?
- Джереми снова отвернулся вправо, глянув в окно автомобиля.
- Не разрешила – и все.
- Я решил не давить на молодого человека.
- Ну а Боб?
- У него деньги есть. Хотя он, конечно, тоже пока не миллиардер.
- Что вы имеете в виду?
- Он заключил сделку с мистером Бродхерстом. Когда она будет завершена, Боб станет мультимиллионером.
- Что ж, рад за него.
- По мне, он все равно засранец, – сказал Джереми, пожав плечами.
- Есть на свете кто-нибудь, кто *не кажется* вам засранцем? – поинтересовался я.
- Джереми медленно повернул голову и уставился на меня.
- Видите ли, я думаю, он оплатил услуги юриста только ради моей матери. Понимаете, о чем я? А вовсе не потому, что хотел выручить из беды своего будущего приемного сына. Надо отдавать себе отчет в том, что мы с ним никогда не станем близкими людьми.
- Однако факт остается фактом – Боб заплатил за твою защиту, какими бы мотивами он ни руководствовался.
- Да, верно, – сказал Боб, глядя на машины, проносящиеся по встречной полосе. – Ну и что вы собираетесь делать? Запереть меня где-нибудь ради моей безопасности? Если так, то какой в этом смысл – с таким же успехом вы могли бы посадить меня в тюремную камеру.
- Я снисходительно улыбнулся:
- Заманчивый вариант. Но я думаю, мы все-таки придумаем что-нибудь еще.
- Хорошо бы. Потому что у меня, между прочим, есть права.
- Разумеется, – согласился я. – Только у той девушки, которую вы сбили, тоже имелись права.
- Я пожалел о сказанном еще до того, как эти слова слетели у меня с языка. За то, что он сделал, в Интернете мальчишку уже осудили миллионы людей, поэтому мне вовсе не обязательно было к ним присоединяться.
- Извините, – произнес я.
- Джереми бросил на меня удивленный взгляд.
- Не мне вас судить, – пояснил я. – И потом, теперь все равно уже ничего не поправишь. Молодой человек некоторое время сидел молча, а потом негромко проговорил:
- Спасибо. Знаете, она мне нравилась. Ну, та девушка, которая погибла.
- Джереми не сказал «девушка, которую я убил». Он предпочел другие слова.
- Как ее звали? – поинтересовался я.
- Мак-Фадден.
- Это фамилия. А имя?

– Оно у нее было немного чудное – Шейн.

– И что это такое?

– В смысле?

– Ну, что это за имя? Ирландское? Мне вообще-то кажется, что оно валлийское. Значит, вы были с ней знакомы?

– Не так чтобы очень близко. Наши родители присутствовали на вечеринке, ну и мы с ней немного пообщались. Да, я ее знал. Она жила по соседству и была мне вроде как другом – как Чарлин. Но в тот вечер она стала больше, чем другом. – Последовала небольшая пауза. – Мы много пили, и с каждым бокалом становились все пьянее. И напились до того, что начали целоваться.

– Неловкая, должно быть, вышла ситуация.

– Почему?

– Чарлин сказала, что она тоже присутствовала на той вечеринке.

– Верно. И она, и ее родители. Но мы старались не попадаться Чарлин на глаза. И потом, в тот момент она была для меня больше другом, чем девушкой, – надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю.

– Думаю, понимаю.

Джереми помолчал немного, а затем добавил:

– Моя мать, Боб и мой адвокат – все они говорили, что в случившемся нет моей вины. Они имели в виду не то, что Чарлин. Они хотели сказать, что, мол, они тоже виноваты. И мистер Бродхерст.

– Продолжайте.

– Речь о том, что, во-первых, он оставил ключи в машине. Это была большая глупость. Тем более когда речь идет о такой тачке.

– Предположим.

– Ну и, как я уже говорил, кругом спиртное лилось рекой. Матери с Бобом не надо было позволять мне напиваться. В силу возраста я не знал своей нормы.

– Понимаю. Значит, вы слишком много выпили, затем уселись в машину мистера Бродхерста, поехали покататься и сбили девушку. И в этом виновато множество разных людей.

Джереми мрачно посмотрел на меня:

– Вы ведь только что сказали, что не вам меня судить.

– После вашего рассказа я, кажется, готов изменить свою позицию.

– Боже, да вы такой же, как все остальные, – буркнул Джереми себе под нос.

В это время зазвонил мой сотовый. Я вынул его из кармана и поднес к уху:

– Слушаю.

– Это Боб Батлер.

– Привет, Боб.

Джереми внимательно уставился на меня.

– Скажите, Джереми с вами?

– Да. Мы уже почти добрались домой.

– Черт. Помните, я упоминал о том, что к нам может заехать Гален Бродхерст?

– Да, помню.

– Ну так вот, он здесь. Но есть одна сложность. Думаю, было бы лучше, если бы Джереми не появлялся здесь, пока Гален не уедет.

Проблема, однако, состояла в том, что мы уже приехали – я успел свернуть на улицу, на которой располагался дом Мэдэлайн Плимптон. Мы находились всего в полуквартале от него. У обочины рядом с домом оказался припаркован автомобиль, которого там не было в тот момент, когда я отправился на поиски Джереми. Очевидно, это машина Бродхерста. Следовало признать, что агрегат был хоть куда.

– О боже. Поверить не могу! – воскликнул Джереми, приподнимаясь на пассажирском сиденье. – А этот тип что здесь делает? Зачем он так поступает? Они что – хотят окончательно меня доконать?

– О чем вы говорите? – спросил я, отнимая от уха телефон.

Пимфолд во все глаза смотрел на автомобиль. Это был красный «Порше-911» семидесятих годов выпуска.

– Это она, – пробормотал Джереми.

– Кто?

– Та самая машина... та, за рулем которой я сидел, когда все случилось.

Глава 13

Тревор Дакуорт посмотрел на свой телефон.

– О черт, отец прислал мне эсэмэску примерно час назад, – сказал он девушке, сидевшей напротив за круглым столом в «Старбаксе». Выглядела она лет на двадцать пять. Зеленые глаза, темные волосы до плеч, черный свитер, черные джинсы, кожаные сапоги до колен.

– Чего он хочет?

– Пишет, что ему надо со мной поговорить.

– О чем?

Тревор пожал плечами, набрал на клавиатуре «Я в «Старбаксе» и нажал на кнопку «Отправить». Отец ответил сразу же: «Оставайся на месте. Буду к пяти часам».

Тревор положил телефон на стол.

– Не стоило писать, что я в кафе.

– Почему?

– Потому что он беспокоится. Я не могу найти работу, однако в состоянии заплатить пять долларов за чашку кофе.

– И что, он скажет тебе об этом?

– Нет, но он будет об этом думать и тревожиться. Он будет здесь уже через пару минут.

– Мне уйти? – спросила девушка и взглянула на картонный стакан с латте, к которому не успела толком приступить.

– Не знаю.

– Не знаешь? А как насчет того, чтобы сказать: «Пожалуйста, останься, я с радостью вас познакомлю»? А?

– Ты прекрасно понимаешь, что это не лучшая идея. – Тревор нажал на кнопку на корпусе телефона, чтобы проверить время. – Ладно, ты можешь задержаться и познакомиться с ним.

– Он ведь вроде как герой.

– Да, я знаю, все так говорят. Он настоящая местная звезда.

– Вы что, не ладите?

– Иногда. – Тревор вздохнул. – А иногда вроде бы ладим. Временами с ним трудно. Он бывает слишком жестким. Собственно, чего от него ждать? Он ведь полицейский. – Тревор взглянул через окно на автомобильную стоянку. – Черт, он был ближе, чем я думал.

Девушка посмотрела туда же, куда Тревор. На парковке остановился черный четырехдверный седан. Из него вышел крупный, плотного сложения мужчина и направился к двери кафе.

Когда отец приблизился к их столику, Тревор встал. Женщина, оставшаяся сидеть, смущенно улыбнулась. Прежде чем обратить внимание на нее, старший Дакуорт коротко кивнул сыну.

– Здравствуйте, – он протянул девушке руку.

– Привет, – отозвалась она.

– Пап, это Кэрол. – Тревор явно чувствовал себя не в своей тарелке. – Кэрол Бикман.

– Рада с вами познакомиться, – сказала Кэрол. – Я о вас много слышала.

Дакуорт улыбнулся и кивнул в сторону Тревора:

– Что бы он вам обо мне ни говорил, не стоит воспринимать это слишком серьезно.

– У тебя все в порядке? – поинтересовался Тревор.

– Да, все прекрасно. Просто мне нужно с тобой поговорить.

– Я сейчас уйду, – сказала Кэрол и, взяв в руку сумочку, накрыла стакан с латте крышкой.

– Пожалуйста, не надо, – остановил ее Дакуорт-старший. – Я бы предпочел, чтобы вы остались.

– Но я не хочу вам мешать. К тому же у меня есть кое-какие дела...

– И все же останьтесь. Дело, возможно, касается и вас.

Глаза Кэрол настороженно блеснули.

– Не поняла.

– Что случилось, пап?

– Мы можем раздобыть еще один стул? – поинтересовался детектив, озираясь по сторонам.

Тревор подошел к соседнему столику, за которым сидела женщина, взял свободный стул и поставил рядом с отцом. Дакуорт-старший сел.

– Может, заказать вам что-нибудь? – спросила Кэрол. – Хотите капучино?

– Нет-нет, спасибо, не надо. И не пускайте меня к стойке, иначе я не смогу удержаться и закажу кусок лимонного пирога с мороженым. – Дакуорт почувствовал, как рот его наполняется слюной. – Хотя куски, похоже, не такие уж большие. Как вы думаете, сколько калорий может быть в одном?

– Отец пытается похудеть, – пояснил Тревор, бросив взгляд на Кэрол.

– Что значит – пытается? Я в самом деле сбросил кое-какой вес.

– Поздравляю, – улынулась Кэрол. – Это всегда нелегко.

– Расскажите мне все, – предложил Дакуорт. – Хотя погодите. – Детектив прижал ладони к столу. – Должен признаться, ситуация немного неловкая. Никогда прежде подобного не случилось.

– Чего именно? – спросил Тревор.

– Начну сначала.

Дакуорт рассказал Тревору и его подруге о том, как полицейские задержали Брайана Гаффни и привезли его в отделение. Упомянул он и о том, что Гаффни оказался не в состоянии вспомнить, что с ним было в течение последних двух суток.

– Но какое это имеет отношение к нам? – не понял Тревор.

– Просто последнее, что помнит мистер Гаффни, – это то, что он был в баре.

– В каком баре? – уточнила Кэрол.

– «У Рыцаря».

Тревор и Кэрол быстро переглянулись.

– И когда это было? – поинтересовался Тревор.

– Два дня назад. Гаффни говорит, что, когда он вышел из бара, его кто-то окликнул из переулка. После этого, по его словам, – словно свет выключили.

– Надо же, – хмыкнул Тревор.

Дакуорт-старший достал свой телефон и вывел на экран снимок.

– Вот его фотография. Вам знакомо это лицо?

Тревор и Кэрол взглянули на фото и одновременно отрицательно покачали головами.

– С ним что-то сделали? – спросила Кэрол.

Дакуорт замялся.

– Я могу вам показать, что именно, но предупреждаю – зрелище не из приятных.

С этими словами он открыл предыдущее фото Брайана и повернул телефон экраном к молодым людям.

– О боже, что это такое? – выдохнула Кэрол. – Ему что, исписали всю спину?

– Это татуировка. Причем постоянная, не временная.

– Погодите, вы хотите сказать, что кто-то проделал это с парнем без его согласия? – изумилась Кэрол.

– Верно.

– Но как такое возможно?

– Судя по всему, его лишили сознания – может быть, сильным ударом или при помощи какого-то седативного препарата. – Сказав это, Дакуорт непроизвольно дернул головой.

– Ты чего? – спросил Тревор.

– Вспомнил Крэйга Пирса.

– Мне знакомо это имя, – заметила Кэрол. – Кажется, так звали парня, на которого напали месяца три назад.

Дакуорт медленно кивнул и сказал, обращаясь не столько к Кэрол, сколько к сыну:

– Его тоже накачали седативными препаратами. Странно, почему я только сейчас об этом подумал.

– Пап, – окликнул Тревор Барри, лицо которого приняло отсутствующее выражение.

Дакуорт, погруженный в свои мысли, не отреагировал – он явно припоминал подробности происшествия трехмесячной давности.

– Пап, вернись на землю, пожалуйста.

– Извините, – произнес Дакуорт и встряхнул головой, словно выходя из транса. – Мне необходимо кое-что проверить. Но в любом случае этот парень, которому изрисовали татуировками спину...

– Должно быть, это сделал какой-то больной, – перебил отца Тревор.

– Да, несомненно. – Дакуорт перелистнул снимки и снова вывел на экран телефона портрет Брайана Гаффни. – Вы уверены, что его лицо не кажется вам знакомым?

– А почему оно должно казаться нам знакомым? – спросил Тревор.

Дакуорт-старший грустно улыбнулся:

– В этом и состоит неловкость ситуации. Штука в том, что я заезжал в бар «У рыцаря» и просматривал записи с видеокамер. В основном меня интересовали те фрагменты, где было зафиксировано все, что происходило в заведении незадолго до появления Гаффни и сразу же после его ухода. Просто я подумал: вдруг у него случилась стычка с кем-то, драка или что-то в этом роде. Это могло бы подсказать мне, кто мог сотворить с ним такое.

Тревор и Кэрол снова переглянулись.

– И что же ты увидел? – спросил Тревор.

– Я не увидел ни малейших признаков какого-либо конфликта. Но, как я обратил внимание, вы оба были в баре в то же самое время, что и Брайан Гаффни.

– Вот оно что, – сказала Кэрол, и щеки ее порозовели.

– Боже, отец. – Тревор изумленно покачал головой. – Вот уж не думал, что ты когда-нибудь будешь подозревать меня в преступлении.

– Это вовсе не так.

– А мне кажется, что так и есть. Послушай, если я переехал обратно и теперь снова живу с тобой и с мамой под одной крышей, это вовсе не значит, что ты можешь совать нос в мою личную жизнь. – Тревор бросил извиняющийся взгляд на Кэрол. – Прости, мне очень жаль, что так вышло.

Кэрол успокаивающим жестом положила Тревору руку на плечо.

– Я не думаю, что твой отец...

Тревор резким движением стряхнул ее руку:

– Нет, это в самом деле перебор.

– Я здесь только потому, что у меня была надежда, что вы сможете мне помочь, – сказал Дакуорт, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее. – Это вовсе не означает, что у вас неприятности.

– Вы в самом деле видели нас на записи там, в баре? – уточнила Кэрол.

– Да.

Девушка снова покраснела.

– Тогда у вас... у вас, должно быть, создалось обо мне ужасное впечатление.

– Вовсе нет. – Детектив ободряюще улыбнулся: – Когда-то я и сам был молодым – по крайней мере, так говорят. Правда, сейчас все это уже порядком забылось.

– Выходит, ты наблюдал, как мы целуемся, – сказал Тревор с обвинительными интонациями в голосе.

– Тревор, – спокойно возразил Дакуорт-старший, – ты и Кэрол – потенциальные свидетели преступления. Вы могли видеть что-то важное, но даже не осознаете этого. Да, я видел, как вы сидели в баре в отдельной кабинке. Затем мистер Гаффни покинул заведение, а следом за ним ушли и вы. Я надеюсь, что один из вас, а может, и вы оба, заметили снаружи что-то необычное, и это могло бы помочь мне в расследовании. Если вы испытываете чувство неловкости из-за того, что вас опрашиваю именно я, это может сделать кто-то другой.

Тревор промолчал.

– Вы этого хотите? Вам так будет комфортнее? – спросил Дакуорт-старший, выждав немного.

Тревор в раздумье повернул голову и уставился куда-то в сторону.

– Что до меня, то я лучше поговорю с вами, – заявила Кэрол. – Не имею ничего против. Хотя мне кажется, что я ничего такого не видела. Надеюсь, ты тоже не станешь возражать, если вопросы тебе задаст твой отец?

– Просто все это будет выглядеть странно, вот и все, – отозвался Дакуорт-младший.

– Я понимаю, – сказал детектив. – Но мне хочется, чтобы вы отдавали себе отчет – я вовсе не думаю, что именно вы набили тату тому парню.

– Что ж, это приятная новость, – Кэрол нервно рассмеялась.

Лицо Тревора, однако, оставалось мрачным.

– Вы обратили внимание на мистера Гаффни, который находился в баре в одно время с вами?

Кэрол покачала головой:

– Я – нет. – Она поднесла ладонь ко рту, словно собиралась сообщить какой-то секрет. – Но, сказать по правде, все мое внимание было сконцентрировано на моем спутнике.

– А ты, Тревор?

– Нет, я его не запомнил.

– А что было, когда вы вышли из заведения на улицу? Вы покинули бар буквально через несколько секунд после мистера Гаффни. Как раз в этот момент он мог контактировать с человеком или людьми, которые совершили в отношении него противозаконные действия. Вы не заметили ничего необычного? Может, кто-нибудь болтался около бара или у входа в переулок? Может, вы слышали какие-то звуки – драку, возню?

– Нет, – быстро ответил Тревор. – Ничего такого не было. Выйдя из бара, мы направились к моей машине – и на этом все. – Дакуорт-младший взглянул на Кэрол. – Верно?

Прежде чем ответить, молодая женщина внимательно посмотрела на Тревора, а затем сказала:

– Да, верно. По-моему, так все и было.

– И вы ни с кем не разговаривали? Никого не видели на улице? – продолжал гнуть свое детектив.

– Я ведь уже ответил! – воскликнул Тревор прежде, чем Кэрол успела произнести хоть слово.

– Что ж, ладно, – произнес Дакуорт-старший, бросив на сына изучающий взгляд, после чего улыбнулся Кэрол: – Думаю, в любом случае попытка была не лишней.

С этими словами детектив сунул телефон обратно в карман и откинулся на спинку стула.

– Было очень приятно с вами познакомиться, – заверил он девушку.

– И мне тоже.

– Скажите, Кэрол, чем вы занимаетесь?

- Работаю в мэрии.
- Это, должно быть, интересно – особенно сейчас, когда всем снова заправляет Рэндалл Финли.
- Верно, скучать не приходится.
- А Дэвид Харвуд все еще его помощник, так?
- Да. Ему так и не предъявили обвинение за то, что он застрелил того беглого осужденного.
- Что ж, Харвуду повезло. Было бы неплохо, если бы вы зашли как-нибудь к нам домой.
- Да, это было бы здорово, – сказала Кэрол с вымученной улыбкой.
- Уверен, мать Тревора будет очень рада вас видеть. Кстати, как вы познакомились?
- Боже, отец, – вмешался в разговор Тревор. – Все это в самом деле начинает напоминать расследование. Может, Кэрол стоит позвонить своему адвокату?
- Молодая женщина снова принужденно усмехнулась:
- Да ладно, Тревор, все нормально.
- Дакуорт-старший поднял ладони к плечам, показывая, что сдается.
- Ладно, ладно, это не мое дело. – Потом встал из-за стола и кивнул сыну:
- Увидимся.
- Да, конечно, – хмыкнул Тревор. – Жду не дождусь.
- Дакуорт направился к своей машине, сел за руль и выехал со стоянки кафе.
- Боже, мне очень жаль. Не знаю, что и сказать по этому поводу, – пробормотал Дакуорт-младший. – Я никогда не чувствовал себя таким униженным. Он *следил* за нами.
- Ничего страшного, – сказала Кэрол. – По-моему, он хороший человек.
- Тревор ничего на это не ответил.
- Думаешь, он понял? – спросила Кэрол.
- Понял что?
- Что мы ему солгали.
- Надеюсь, что нет, – сказал Тревор, немного подумав.

Глава 14

Идти до дома Джессики Фроммер было далеко, но Брайана Гаффни это не смущало. К тому же в любом случае это ближе, чем дом, в котором жил он сам и рядом с которым была припаркована его машина. Брайан похлопал рукой по карману джинсов. По крайней мере, у него остались ключи. Ублюдок или ублюдки, напавшие на него, забрали его бумажник и телефон, но зато у Брайана все же осталась возможность беспрепятственно попасть в свою квартиру и завести свою машину.

Брайан был рад, что сбежал из больницы. Поначалу ему было приятно, что его родные пришли его навестить, но в конечном итоге их визит обернулся для него сильным стрессом. Когда его сестра и мать начали спорить, ему больше всего на свете захотелось, чтобы они ушли. Поэтому, когда мать вышла из палаты и отправилась искать Монику и отца, Брайан решил, что с него хватит. У него возникло желание поскорее покинуть здание больницы – он боялся, что, вернувшись, родственники снова начнут ссориться.

Ему было жаль отца. Он не принуждал Брайана переехать и поселиться отдельно. Брайан давно уже сам об этом подумывал. Он специально устроился на работу в салон по уходу за автомобилями – хотя зарплата там была не слишком высокой, она все же позволяла ему снять крохотную квартирку. Арендная плата в Промис-Фоллз являлась довольно умеренной. За последние несколько лет город потерял много рабочих мест. А год назад из него разом уехало столько народу, что большинство агентств, занимавшихся сдачей внаем недвижимости, потеряли всю свою клиентуру. Город словно прокляли, и многим стало казаться, что действие этого проклятия будет длиться вечно. Так что они решили, что лучше уехать из Промис-Фоллз, пока не поздно.

И все же, хотя Брайан знал, что решение о переезде принимал он сам, мать винила во всем отца. Альберт полностью поддерживал стремление сына жить самостоятельно. Впрочем, Брайан не был глупцом и прекрасно понимал, что он – не Стив Джобс, не доктор Спок и не Шелдон Купер. Осознавал он и то, что люди подчас считали его наивным (его это, впрочем, серьезно смущало).

Взять хотя бы историю с гепатитом. У Брайана собирались взять анализы, чтобы определить, не заразился ли он этим заболеванием. Другими словами, выяснить, не будет ли реакция позитивной. Брайан же искренне считал, что словно «позитивный» означает «хороший». И если реакция будет позитивной, это будет означать, что гепатита у него нет. Врач, однако, объяснил ему, что хорошим результатом будет как раз негативная реакция – именно это означало бы, что заражения не произошло.

Черт, подумал Брайан, почему все так сложно.

Отец как-то сказал ему, что если у него возникнет какой-то вопрос, все, что Брайану следует сделать, – это снять телефонную трубку и позвонить ему, Альберту Гаффни. И еще отец убеждал сына в том, что у него все будет хорошо, что он справится.

И так оно и было – до определенного момента.

Главным достоинством самостоятельной жизни было то, что Брайан мог приходить в свою квартирку и уходить из нее тогда, когда ему хотелось, есть что угодно и ни перед кем ни в чем не отчитываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.